

Проект
ЕЛЕНА МИХАЛКОВОЙ
«Записки на полях»

Филим О'Коммор

ВЫ ПРИЗНАНЫ
ОПАСНЫМИ

Записки на полях

Эйлин О'Коннор

Вы признаны опасными

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-42

О'Коннор Э.

Вы признаны опасными / Э. О'Коннор — «Издательство АСТ»,
2019 — (Записки на полях)

ISBN 978-5-17-118503-9

Они подсунули вам хромого кота и велели его гладить. Они покусились на святое, подменив знакомых каждому с детства Хрюшу и Степашку на своих нечестивых покемонов. Они предложили вам продать часть души за исполнение желания. Наконец, они замусорили ваше любимое место на берегу речки, а теперь хихикают над вами. И вообще, возможно, они инопланетяне, и один из них в образе великого сыщика разгуливает по улицам Лондона! Что вы будете делать? Возьмете верный ремингтон и пойдете спасать человечество? Тогда — вы признаны опасными! Это сборник удивительных, искрометных, лирических, мистических, трогательных, а главное — во всех смыслах фантастических рассказов Елены Михалковой. Сборник, читая который невозможно остаться равнодушным.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-42

ISBN 978-5-17-118503-9

© О'Коннор Э., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие редактора-составителя	6
Вы признаны опасными	7
День святого Патрика	18
Хранители	35
Старикам здесь не место	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эйлин О'Коннор

Вы признаны опасными

Авторский сборник

Предисловие редактора-составителя

В середине прошлого десятилетия по Сети прокатился вал литературных конкурсов фантастической направленности – «Рваная грелка», «Мини-проза», «Коллекция фантазий» и еще много-много других. Несмотря на некоторые различия, формат у таких мероприятий был единым: в назначенный день объявлялась тема, и любой желающий принять участие писал в указанные сроки рассказ определенного жанра – от фэнтези до космооперы. Далее каждый конкурсант читал работы своих соперников, обсуждал, оставлял отзывы, голосовал – и таким образом определялся победитель.

Породив и воспитав целое поколение новых авторов, теперь сетевые конкурсы выполняют отчасти иную функцию – служат отдушиной для профессиональных писателей и любителей, местом, где можно провести время в хорошей компании, поэкспериментировать с идеями и стилем, отвлечься и переключиться после написания романа или каждодневной работы в офисе на что-то другое. Ну и азарта никто не отменял – как-никак это все-таки состязание!

Я – как раз из конкурсного поколения, а конкурсант со стажем никогда не пропустит появление нового яркого участника – сильного соперника, интересного собеседника, умного и деликатного критика. И вот, начиная с осени 2013 года, я стал обращать внимание на новое лицо в конкурсном сообществе – Эйлин О'Коннор. Мы сталкивались то на «Рваной грелке», то на «Мини-прозе». Мне нравились ее рецензии, я получал удовольствие, наблюдая за тем, как она обсуждает тот или иной текст, а по факту выяснялось, что и за ее рассказы я голосую с завидным постоянством. Некоторое время мы пересекались на разных площадках, спорили, критиковали друг друга, общались на отвлеченные темы... А потом, через два года виртуального знакомства, я вдруг впервые перешел на страничку Эйлин О'Коннор в «Живом Журнале». И узнал, что на самом деле она – Елена Михалкова, автор двух десятков детективных романов.

Чуть позже мы познакомились и в реале. И уже прочитав все ее книги, я стал задавать Елене один и тот же вопрос: почему бы ей не издать сборник своих фантастических произведений?

Уговаривал я долго. Мне даже пришлось устроиться на должность ведущего редактора издательства АСТ, чтобы уговоры частного порядка превратились в официальное предложение о сотрудничестве (разумеется, это шутка, но в каждой шутке, как известно...).

Для книги, которую вы сейчас держите в руках, мы отобрали тринадцать конкурсных текстов Эйлин О'Коннор разных лет, тринадцать не похожих друг на друга историй – от самого первого ее фантастического рассказа, давшего название всему сборнику, до совсем свежего, написанного во время короткого перерыва в работе над новым романом.

Возможно, кто-то сочтет этот сборник баловством, кто-то – «темной стороной души» мастера, специализирующегося на преступлениях и разоблачениях, а вовсе не на роботах и инопланетянах. Но мы рады показать вам разные грани автора, тем более что эта грань... Впрочем, вы все поймете сами. Уверен, эти рассказы не оставят вас равнодушными.

Алекс де Клемшьё

Вы признаны опасными

Много лет подряд я хотела принять участие в конкурсе «Рваная грелка» – по моему убеждению, лучшем сетевом конкурсе короткой формы в жанре фантастики, – но меня останавливала одна мысль. «Я ведь не фантаст», – говорила я себе. В один прекрасный день была объявлена тема конкурса: «Крысы на чердаке». Привычная фраза «я не фантаст» промелькнула и сменилась другой. «Разве, приступая к первому детективу, я говорила себе: “Я не детективщик”? Нет. Я просто села и стала рассказывать о том, о чем мне хотелось».

Я не фантаст. Но разве только фантасты пишут фантастические рассказы? Или, говоря шире, разве только писатели пишут книги? К счастью, нет – иначе у нас не было бы книг вовсе.

«Вы признаны опасными» не победил в том конкурсе, он занял всего лишь десятое место. Однако с него начались те рассказы, которые вы прочтете в этом сборнике.

В нем много Брэдбери и Айзека Азимова – это сделано осознанно, как дань уважения любимым авторам.

Машина перевалила через вершину холма и помчалась вниз в клубах пыли, безбожно подпрыгивая на ухабах.

– Поверить не могу... – бормотал Диксон. – Настоящая проселочная дорога!

– Трудно было взять флай? – ледяным голосом осведомился Хильфингер у водителя.

Полицейский покосился на него.

– Не любят они новшеств, – скучным голосом сказал он. – Вы же видите.

Да, они видели.

Хильфингер дернул подбородком и ослабил узел галстука. Он уже ненавидел это место. От Диксона разило потом – толстяки омерзительно вонючи летом, от полицейского – дешевыми сигаретами. Его мутило от одного только намека на этот запах. Господи, кто в наше время курит!

Машина остановилась на обочине, клюнув носом. Раритет, древность – такая же, как и все вокруг.

Хильфингера затошнило.

– Надо было взять флай, – процедил он сквозь зубы и полез наружу.

Она спускалась к ним от дома – высокая старуха с небрежной седой косой, насквозь прокаленная солнцем.

Увидев ее, Хильфингер содрогнулся. Некрашенные волосы. Морщины. Губы, собравшиеся по краям в мелкую складочку. Коричневые от загара руки, как древесная кора, из-под которой пытаются пробиться на волю голубые ручьи вен.

Здесь что, не слышали о возрастной коррекции?

А Диксон уже работал. Шагнув навстречу, он расцвел в своей фирменной улыбке номер четыре.

Номер первый предназначался молодым женщинам, второй – офисным клеркам, номер три годился для клуш, облепленных младенцами.

Сейчас в лице напарника в точных пропорциях сочетались радость от встречи, доброжелательное внимание и бездна уважения.

Все правильно. Как раз для благоденствующего возраста.

– Рад приветствовать вас, миссис Эштон!

Он даже руки развел, будто приготовился обнять ее.

– Еще шаг – и нарушите границы частной территории, – жестко предупредила старуха.

Улыбка Диксона увяла.

Она остановилась неподалеку – так, чтобы цепочка из камней, выложенная на земле, оказалась между ними.

– Что вам здесь нужно?

Хильфингер перехватил эстафету:

– Миссис Эштон, мы представляем компанию «Ай-рен Индастриз»...

– Я знаю, кого вы представляете, – оборвала старуха. – Так вот, заявляю в присутствии этого клоуна, – она кивнула в сторону побагровевшего полицейского, – что Тома вам не видать, как своих ушей.

– Тома?

– Наш робот.

Диксон с Хильфингером обменялись понимающими улыбками.

– Миссис Эштон, антропоморфизм по отношению к бытовым роботам – явление весьма распространенное, – снисходительно заметил Хильфингер. – Однако надо понимать, что...

– Всего хорошего.

Старуха развернулась и направилась к дому.

Хильфингер побледнел от бешенства. Да что она себе позволяет, эта заплесневелая карга?

– Ваш робот будет изъят через пять дней и переработан, – с наслаждением отчеканил он в худую спину. – Весь ряд моделей «ДжейБиРоботс» признан не соответствующим нормативам и подлежит замене.

Старуха остановилась. Повернулась к нему.

– Вы не посмеете забрать у меня Тома!

– Это государственная программа, миссис Эштон, – сладко улыбаясь, вступил Диксон. – Нам очень жаль, но ваш робот опасен. Да, процент сбоев невелик, но он есть. И что самое ужасное, агрессия всегда обращена на детей. С вами ведь живет внучка, миссис Эштон?

Она молча смотрела на него.

Диксон уткнулся в страницу на экране.

– Эм, эр... Ну да, Милисент, пять лет. Ах, миссис Эштон! Неужели привычка к бытовой технике может оказаться сильнее беспокойства за собственное дитя?

Он скорбно покачал головой.

– Послушайте, вы! – В голосе старухи прорезалась плохо скрытая ярость. – Не смейте совать мне под нос всю эту чушь насчет пострадавших детей. Нет никаких подтверждений...

– Комиссия! – воззвал Диксон. – Факты! Эксперты!

– Ваши комиссии и ваши купленные эксперты, – отрезала она. – Вы просто воспользовались тем, что все вокруг помешаны на безопасности. Разговор окончен. Чтоб больше вас здесь не было!

– Боюсь, у нас нет выбора, – сочувственно развел руками толстяк. – Через пять дней заканчивается срок добровольного обмена. Вы должны подготовить вашего андроида к изъятию. Документация, запасные детали...

Она отшатнулась. Ветер рассерженно дернул подол измятого платья.

– И что будет, когда закончится добровольный обмен? – голос у старухи не то сел, не то охрип на ветру.

Диксон улыбнулся улыбкой номер восемь: я знаю, и вы знаете, и я знаю, что вы знаете.

– Начнется принудительный, миссис Эштон.

«Раздели ее!» – мысленно вопил Хильфингер.

Карга заслужила небольшой урок. Если ты в благоденствующем возрасте, так и веди себя... благостно.

Но тут вмешался полицейский.

– Нам в самом деле придется сделать это, мэм, – сказал он. Полицейский был низенький, коренастый, с невыразительным лицом, и он старательно отводил взгляд. – Мне жаль. Могу только посоветовать отнестись к этому проще.

Старуха сощурилась.

– Проще? – протянула она со странным выражением. – Знаешь, что я скажу тебе, парень... Два года назад комбайн, который Клэнси спьяну бросил вон на том склоне, покатился вниз. А Милисент играла возле сарая.

Все дружно посмотрели на невысокий холм и на хибару у его подножия, перед которой возвышалась гора песка.

– Никого из нас не оказалось поблизости, кроме Тома. Он успевал добежать до комбайна, но не успевал добежать до Милли.

– Роботы «ДжейБи» грузны и неповоротливы, – вставил Диксон.

Старуха даже головы не повернула в его сторону. Она разговаривала с полицейским.

– Эта чертова махина набрала приличную скорость, так что Тому не под силу было его остановить. Он просто лег под него.

На этот раз Диксон придержал язык. Сплав, из которого «ДжейБи» производила своих андроидов, был невероятно прочным. Пожалуй, он даже мог выдержать чудовищный вес машины.

– Тома раздавило, – спокойно произнесла старуха, будто услышав его мысли. – Но комбайн замедлил ход, и девочка успела отскочить.

Хильфингер усмехнулся про себя.

Глупая престарелая курица. Что ж, она сама дала им в руки дубинку.

– Так вы считаете вашего Тома героем! – не скрывая издевки, протянул он. – Трогательно. Но неразумно. Ведь роботы не испытывают страха. То, что для человека было бы героизмом, для них – обычное поведение, заложенное программой. Надеюсь, вы это понимаете?

Старуха первый раз взглянула прямо на него.

Глаза у нее оказались не блеклые, как он почему-то решил, а темно-карие. Если бы взглядом можно было хлестнуть, на щеке у Хильфингера остался бы приличный рубец.

– В самом деле? Тогда как вы объясните, что при виде вас Том спрятался в подвал?

* * *

– Они вернутся, – сказал Роджер.

Все, кроме малышки Милли, сидели на крыльце и смотрели, как солнце садится за лес. Вспаханые облака, розовые, как созревающие яблоки, собирались над западными холмами.

Скрип-скрип, скрип-скрип.

В дверях показался робот. Доски привычно прогибались и кряхтели под его тяжестью.

Остановившись возле качалки, он положил перед старухой трубку и табак.

– Спасибо, Том. Кстати, в мышеловку опять попала крыса. Избавься от нее.

– Да, мэм.

Робот скрылся за домом, и оттуда некоторое время доносились шаркающие шаги. Многим деталям они так и не смогли найти полноценную замену: эту модель давно сняли с производства.

– Не понимаю, зачем им это надо, – недоумевающе сказала Клер, взглянув на мужа. – Бесплатно раздавать роботов! Разве это не разорит компанию?

Роджер невесело усмехнулся:

– Это ее обогатит. При нынешних технологиях произвести робота не так уж дорого. Его обслуживание, регулярный апгрейд – вот основной источник дохода. Поверь, в этом бизнесе

крутятся колоссальные средства! «Ай-рен Индастриз» утопила «ДжейБиРоботс» еще полгода назад. Теперь осталось заменить ее продукцию своей.

По веранде со свистом пронесся сквозняк, забрался под коврик и вздыбил спину, как кот.

– Пап, а почему не оставить старых роботов людям? – Дэнни, прислонившийся к косяку, вытряхнул сигарету, но, поймав взгляд Клер, сунул пачку в карман.

– Боятся, что привычка окажется сильнее тяги к новому.

– Кстати, вы видели их ролик? – Энтони закончил чистить яблоко и воткнул нож между досок. – Там всякое бла-бла-бла про великолепие их новых моделей. Но все время повторяется: «Устаревшие роботы признаны опасными!» Ловко, а? Не старые, а устаревшие. Чтобы не вызывать ненужных ассоциаций.

– И они крутят этот ролик каждый час, – нехотя добавил Дэн.

– Кое-кому не стоило бы каждый час смотреть визор, – не удержалась Клер.

– Ма, я только ради Тома!

– Ладно, ладно...

Из-за перелеска ветер донес разноголосый собачий лай.

– Опять у Клэнси обострение вируса предпринимательства, – проворчала Маргарет. – Сперва свиньи, теперь собаки...

– Свиньи были лучше. По крайней мере тише.

– Лучше всего были грибы, – возразил Роджер. – Они вообще молчали.

– В один прекрасный день они вырвали бы грибницы из земли, пришли сюда и проросли тебе в голову! – пообещал Энтони. – Ты их видел? По-моему, Клэнси случайно вырастил какой-то инопланетный разум.

Клер и Маргарет засмеялись.

– Они правда могут это сделать? – вдруг спросил Дэн.

Смех оборвался.

– Они могут забрать у нас Тома? – упрямо повторил мальчик.

Взрослые молчали.

До них снова донеслось шарканье и поскрипывание – робот возвращался домой.

* * *

Они появились два дня спустя. Маргарет с бессильной ненавистью смотрела, как плеши-вый взмокший толстяк в рубашке выбирается из машины, придерживает дверцу для второго – невысокого, очень бледного, упакованного в темно-синий костюм.

Бледный шел как астронавт по чужой планете: тщательно выбирая, куда ступить, и морща нос от запахов местной атмосферы. Костюм-скафандр защищал от вредоносного воздействия.

Полицейский с несчастным видом тащился сзади.

– Я же сказала, чтобы вы больше не приходили!

Старуха снова стояла в нескольких шагах от границы своей земли, заложив одну руку за спину.

– Мы отразили в отчете ваши пожелания! – заверил Диксон. – Наши эксперты признали, что они носят социопатический характер и не могут быть учтены.

– Это те же эксперты, что изучали роботов, якобы искалечивших детей? – презрительно фыркнула Маргарет. – Харкните им в рожи! Вот так!

В горле ее зародилось клокотание, щеки втянулись...

Диксон с Хильфингером в ужасе отшатнулись, одинаково представив развитие событий.

Маргарет Эштон лихо сплюнула на траву и вытерла губы.

– Не забудьте отразить это в своем отчете! – насмешливо бросила она.

Хильфингер прикусил губу от злости и унижения, как вдруг заметил позади нее то, что вмиг изменило его настроение.

От дома к ним шел робот.

Это был древний архаичный андроид – должно быть, одна из первых моделей, выпущенных «ДжейБиРоботс». Громоздкая, неуклюжая, всего с двумя руками и разномастными ногами, будто слепленными из лоскутов. Господи, у него даже не было мимики! Жестянка, рухлядь – такая же никудышная, как его хозяйка.

Старуха пока не замечала его. Хильфингер улынулся про себя.

– Срок добровольного обмена закончится через три дня, – промурлыкал он. – Однако... Что говорится в инструкции на этот счет?

– В исключительных случаях сотрудники комитета имеют право осуществить принудительное изъятие раньше! – подхватил Диксон, понявший его с полуслова.

Хильфингер усмехнулся старухе в лицо:

– Мы отразим в отчете, что ваш случай относился к исключительным.

Она наконец-то догадалась обернуться. И Хильфингер сполна наслаждался ужасом, мелькнувшим в ее глазах.

Робот не может оказать сопротивление человеку. Кроме того, робот обязан подчиниться сотруднику полиции.

Все, этот участок можно закрывать, расслабленно подумал Хильфингер.

Он перешагнул линию из камешков, не удержавшись, распинал их в стороны и двинулся навстречу андроиду. Старую дуру он больше не принимал в расчет. Диксон следовал за ним.

– Сэр! – тревожно окликнул сзади полицейский. – Сэр, вы не имеете права...

– Андроид серии Тэ-Эм триста двенадцать, – скороговоркой проговорил Хильфингер, – согласно закону ты признан не соответ...

Короткий звук заставил его замереть с открытым ртом.

Хильфингер никогда не слышал вживую щелчка затвора. Но среагировал он правильно: оцепенел.

Миссис Эштон стояла, вскинув ремингтон сорок пятого калибра. «Еще один раритет», – совсем некстати мелькнуло в голове Хильфингера. Дуло раритета было направлено ему в лоб.

А двое мужчин с дробовиками, выросшие будто из-под земли в пятидесяти футах от них, держали на прицеле Диксона.

– Вы нарушили границу частных владений, – ледяным тоном сообщила миссис Эштон. – Вы не имеете права вторгаться на частную территорию, не располагая соответствующим ордером. У вас есть ордер?

– Нет, миссис Эштон, – очень быстро откликнулся Диксон.

– В таком случае я предлагаю вам покинуть эти владения.

– Да, миссис Эштон! Простите, миссис Эштон!

Диксон как нашкодивший мальчишка рванул прочь, пытая от страха.

Хильфингеру хватило храбрости покинуть земли Эштонов с достоинством.

Но далеко уйти ему не позволили.

– Куда? – нахмурилась старуха и дулом указала на разрушенную дорожку.

Хильфингер понял. Он присел на корточки и вернул на место камни, отброшенные его ботинком.

Когда он поднялся, все они стояли перед ним. Миссис Эштон – воинственная, несгибаемая, как скала. Ее сыновья – один высокий и худой, с щегольскими усами, второй – увалень, заросший неопрятной щетиной. И изувеченный дряхлый робот с перегоревшими диодами в левом глазу.

Хильфингер смотрел на них и видел все то, что было ему ненавистно. Хаос. Агрессию. Пренебрежение интересами общества.

Вот они, люди прошлого – темного, злобного, грубого, цепляющегося за не имеющие ценности символы старой эпохи. Такие, как они, не принимают флаи на своих полях. Запрещают асфальтировать дороги. Не желают даже пальцем пошевелить ради того, чтобы привести собственный облик в соответствие со вкусами общества.

Волна гнева поднялась в груди Хильфингера. Страх исчез.

– Вы отвратительны, – сказал он, глядя в блестящие темно-карие глаза. – Такие, как вы, мешают делать этот мир лучше.

– Ваш мир, – негромко уточнил щеголь.

А увалень осклабился:

– Когда мне начинают говорить об улучшении мира, я заранее знаю, что речь пойдет о деньгах. Ваши андройды...

– Наши андройды – лучшее, что было создано за много лет, – твердо сказал Хильфингер. – Это поступь прогресса!

– Значит, мы пойдем не в ногу, – пожал плечами щеголь.

Хильфингер рассмеялся. В этом смехе было что-то такое, что заставило старуху снова вскинуть ремингтон.

– Посмотрите на своего Тома! – презрительно бросил он ей в лицо. – Это не робот, а ходячая помойка. У него – как это говорится – крысы на чердаке! Однако проблема даже не в нем.

– Поговори мне еще, – ласково предложила Маргарет.

Но Хильфингера не нужно было подстрекать. Теперь он не замолчал бы, даже если б ему пустили пулю в грудь. В его глазах горел огонь веры, и он готов был сжечь все вокруг во славу и с помощью этого огня.

– Беда в том, что самые толстые и жирные крысы живут на ваших собственных чердаках, – он коротко рассмеялся. – Вы же сумасшедшие! Оглянитесь на себя! Вы готовы были застрелить троих человек – и ради чего? Ради жестянки, которая может быть опасна для ребенка. Даже если есть один шанс из миллиона, что это правда, – неужели риск стоит того?

– Пошел вон, – распорядилась старуха. Лицо ее окаменело.

– Вы еще вспомните меня, когда он свернет вашей девчонке шею, – холодно сказал Хильфингер и поправил галстук. – Впрочем, нет. Вы будете помнить меня все это время. Потому что через два дня я приду сюда с ордером и заберу вашего робота.

Он пошел к машине, пиная землю носками начищенных до блеска ботинок.

* * *

Велосипед приветственно блеснул спицами, когда Маргарет выкатила его из сарая.

Пшеница шуршит, как осыпающийся песок. Ветер гонит по полю золотую волну и разбивает о лесной утес.

Не доезжая до фермы Клэнси, она остановилась на пригорке и некоторое время просто стояла с закрытыми глазами.

«Я заберу вашего робота».

– Клэнси, слышал, что эти придумали?

– Слыхал...

Старик – тощий, с лицом как растрескавшаяся глина – приподнял кепку и вытер пот со лба.

– Что думаешь?

– Чего тут думать... – нехотя выговорил он и снова замолчал. Маргарет ждала. У Клэнси непростые отношения со словами. Они перекатываются где-то внутри него, как камушки

в выдолбленной тыкве. Чтобы дождаться, пока парочка-другая вывалится в дырку, надо набраться терпения.

– Развалюха он у меня, – сказал наконец старик. – Ну, кое-что делает еще. Крыс там убивает, если новая в ловушку попадет. Многовато их чего-то в этом году. У вас есть?

– Попадаются, – кивнула Маргарет. – Значит, хочешь его обменять.

– Бесплатно ведь вроде как, – сказал Клэнси.

– Ясно.

Он водрузил кепку на голову и равнодушно смотрел, как она забирается на велосипед.

– Подожди-ка...

Она выжидательно взглянула на него.

– Мысля у меня была какая-то... – пробормотал старик. – А, вспомнил. Лимонаду хочешь?

– Нет, Клэнси, – сказала Маргарет, – спасибо.

Робот ждал ее на крыльце.

– Я пойду с ними, когда они вернутся, – ровно сказал он.

Собственно, Том всегда говорил ровно. Программа не предполагала модуляций и интонирования. Но Маргарет казалось, что она улавливает оттенки эмоций в его голосе.

– Не говори глупостей, – устало сказала она. – Никуда ты не пойдешь.

– Дальнейший отказ от сотрудничества с представителями комитета приведет к эскалации конфликта, – сообщил Том. – Вы пострадаете.

– Это не твое дело.

– Я не хочу, – бесстрастно сказал Том.

– Что?

– Мне представляется нежелательным такое развитие событий.

Маргарет некоторое время смотрела на него.

– В ловушке снова крыса, – сказала она наконец. – Убей ее и поставь новую ловушку.

* * *

Они перебрали все способы, горячась, крича и споря.

Вывезти Тома в город.

Спрятать его в лесу.

Разобрать.

Замаскировать под человека.

Сдать вместо него другого андроида.

От отчаяния Энтони предложил обмотать робота тремя слоями гидропленки и опустить на дно реки, привязав предварительно к ноге тонкую цепь – как делали когда-то обладатели сокровищ.

Но все эти идеи были столь же фантастичны, сколь и бессмысленны.

– Может, зароем его на кладбище, – предложил Дэн. – Гроб экранирует поисковый луч.

Роджер покачал головой. Нет, не экранирует. Поисковые системы совершенствовались много лет. Они заточены под обнаружение робота – сбежавшего, потерявшегося или украденного.

«...Мы не можем его защитить».

Первой это сказала Клер.

Они с тоской смотрели на экран, где разворачивались репортажи из разных областей. Программа обмена роботов победно шествовала по стране.

Камера фиксировала радость на лицах детей («Высокий уровень звукоподражания! Ваш малыш научится различать голоса десятков птиц!»), оживление женщин («Двадцать три программы, позволяющие вам полностью переложить домашнее хозяйство на робота!»), предвкушение в глазах мужчин («Базовая модель Ай-рен станет незаменимым партнером во всех ваших хобби!»).

Журналисты не показывали, как происходит сдача старых моделей.

«Да и что там показывать, – думала Маргарет. – Роботы ведь не цепляются за хозяев с плачем. Не пытаются обнять детишек на прощание. Они просто делают то, что им сказано».

– Мы не можем его защитить.

Это повторил уже Роджер.

И вдруг резко смахнул со стола их записи. Все молча смотрели, как разлетаются по полу листки бумаги.

– Как же мы его спрячем?.. – жалобно спросил Дэнни и оглядел взрослых. – Мам! Пап! Ведь мы не отдадим его, правда?

Родители не ответили.

Маргарет наклонилась к Энтони.

– Что они могут с нами сделать?

– Все что угодно, – честно ответил тот. – Лозунг «Защитим наших детей» дает им карт-бланш, мам.

– Ну, убить-то, положим, не убьют... – пробормотала старуха.

Энтони промолчал.

Маргарет отчаянно пыталась придумать выход, но в памяти вставали два воспоминания: Том, испуганно прячущийся в подвале; Том, идущий навстречу Бледному.

– Клер, – позвала она. – Клер!

Все обернулись.

Маргарет поднялась. Решение было принято.

– Вот что, милая, – не терпящим возражений голосом сказала она, – возьми детей и отправляйся в город, пока не стемнело. Ключи от дома в верхнем ящике комода.

Клер кивнула.

– Я не поеду! – взвился мальчик.

– Поедешь, – спокойно сказала Маргарет. – Детям завтра здесь нечего будет делать.

Вечером в дверь постучали.

– Это... – сказал Клэнси, переминаясь с ноги на ногу. За ним стоял, слегка покосившись на левый бок, андроид серии Зет-12. – Я, значит, чего опасуюсь-то... Придут они с утра за Изей. А у меня и отстреливаться нечем.

Энтони поперхнулся лимонадом.

– Как вы его зовете? – недоверчиво переспросил он.

Старик исподлобья яростно зыркнул на него.

– Да нет, я ничего, – торопливо заверил Энтони. – Изя так Изя... Хорошее имя.

– Тони, приготовь белье для мистера Клэнси, – попросила Маргарет. – Роджер, не включай экран. Видеть его больше не могу.

* * *

Они стояли на веранде, готовые ко всему.

День изъятия!

В пшенице плескалось солнце, ветер носился вокруг и хлопал створками окон.

– Флаи пришлют, – с тоской пробормотал Роджер.

– Пшеницу помнут, – в тон ему откликнулся Энтони.
Оба усмехнулись.

Клэнси засел в сарае, Тома с Изей закрыли в подвале. Запирая замок, Маргарет взглянула сверху на бесстрастное металлическое лицо. Ей показалось, что робот хочет что-то сказать, но это, конечно, было не так. Роботы не умеют прощаться. Они не умеют быть благодарными. Не умеют утешать. Они умеют только то, что заложено в них программой.

От нагревшихся перил пахло смолистой древесиной.

– Мы ведь глупцы, да? – вдруг сказала Маргарет.

Сыновья помолчали.

– Да, мам, – ответил наконец Роджер. – Мы глупцы.

– И у нас крысы на чердаке, – добавил Энтони. Выпучил глаза и со зверским видом принялся чесать за ухом.

Маргарет рассмеялась. Младший всегда мог легко насмешить ее. Она смеялась до тех пор, пока из-за перевала не показалась машина.

Они смотрели, как она приближается: ярко-красный мобиль с пронзительно желтой крышей.

Спускается с холма, вздымая тучи пыли.

Проносится через поле.

Останавливается у границы.

Маргарет облизнула губы.

– С богом, дети.

Из машины выскочил полицейский, замахал руками. Ветер доносил до них обрывки криков: «Мис... тон!»

– А где остальные? – пробормотал Роджер.

Энтони повертел головой. Ни флаев, ни дополнительных нарядов полиции... Как они собираются осуществлять принудительное изъятие?

– Это какая-то ловушка! – не выдержала Маргарет.

Роджер мрачно кивнул. Все они понимали, что Хильфингер не отступится. Дело было уже не в одном роботе, все это зашло гораздо дальше.

Полицейский скакал на месте. «Мис... тон!»

– Нет, – жестко сказала старуха. – Остаемся здесь.

Полицейский продолжал приплясывать. Он выглядел настолько по-идиотски, что они переглянулись.

Шаг за шагом.

Медленно-медленно.

Каждый миг ожидая ловушки.

Вниз, к красной машине.

– Может, они перенесли срок изъятия? – Маргарет сама не верила в то, что говорит.

Роджер с сомнением покачал головой.

– Миссис Эштон! Миссис Эштон!

Мать с сыновьями остановились неподалеку от границы.

Запыхавшийся полицейский подбежал к ним, даже не заметив, что пересек линию из камешков.

– Все закончилось, миссис Эштон! – выдохнул он – и наклонился, упираясь ладонями в колени.

– Что?

– Как это «закончилось»?

– Закончилось! – твердил тот.

– О чем ты, черт тебя дерит? – повысила голос старуха.

Полицейский разогнулся и вытер пот.

– Вы, наверное, ничего не знаете...

– Мы знаем, что вы хотите изъять у нас робота, – сухо обронил Роджер.

– И знаем, что у вас с этим будут сложности, – дополнил Энтони, жуя травинку.

– Вы не знаете, – повторил он. – Вы ведь не смотрите визор, правда? Я так и подумал.

Решил сам вам сказать. Накрылся их проект!

– Что? – хором ахнули Эштоны.

– Накрылся! – повторил полицейский и ухмыльнулся во весь рот. – Да вы сейчас сами все услышите.

Он махнул рукой, и из машины выбрались Диксон и Хильфингер.

– Уважаемая миссис Эштон! – еще издали закричал Диксон. – От всей души прошу извинить нас за прошлый инцидент!

Он выдвинулся вперед. Хильфингер стоял с непроницаемым лицом, глядя поверх их голов.

Толстяк прижал ручки к груди, и на лице его отразилось самое искреннее сожаление.

– Надеюсь, это недоразумение не омрачит наших отношений! – радостно воскликнул он. – Вам нужно только подписать...

Старуха отдернула руку от протянутого листа.

– Здесь сказано, что вы не имеете к нам претензий. Вы ведь не станете жаловаться? – улыбка Диксона стала умоляющей.

Хильфингер продолжал изучать облака.

У Маргарет наконец прорезался голос:

– Но почему?! Что случилось? Почему не идет обмен?

– Никто не пожелал отдавать старых роботов, – вздохнул толстяк. – Начались... м-м-м... инциденты.

– Подождите, – растерялась она. – А как же повсеместный обмен? Репортажи! Новые модели!

Диксон вздохнул и потупился.

– Брехня это, миссис Эштон, – легко сказал полицейский. – Постановка. Может, кто и согласился, но таких немного. А в основном-то все... Как у вас, короче.

– Вы хотите сказать, – отдельно проговорил Роджер, – что все встали на защиту своих роботов?

– Вроде того, ага.

Полицейский снова ухмыльнулся, и Маргарет вдруг бросилось в глаза имя на его бляхе: «Салли Джилкрист». Кажется, в детстве они пели какую-то песенку про Мистера Джилкриста.

– Песенка... – пробормотала старуха.

Толстяк диковато взглянул на нее.

И тут она вспомнила.

*Мистер Джилкрист, мистер Джилкрист,
Разогнал всех крыс, разогнал всех крыс!
Стало Джилкристу совсем хреново —
И пошел он за новой!*

Маргарет Эштон засмеялась. Сначала тихо, потом все громче и громче.

Хильфингер вздрогнул. Его выпуклые голубые глаза остановились на ней.

Старая миссис Эштон хохотала, запрокинув голову.

– Значит... Никто... Не захотел! – еле выговорила она. – Ха-ха-ха! Ваших прекрасных... Новых... Ха-ха-ха!.. Роботов!

– Не смейте! – прошипел Хильфингер. – Вы даже не понимаете, что произошло! Это же откат назад. В прошлое!

Маргарет вытерла слезы, выступившие на глазах.

– Какие же вы глупцы, – с облегчением сказала она. – А мы еще большие. Я-то думала, мы одни такие. Ведь все таятся! Никто не осмеливается сказать соседу, что он привязался к железяке, моющей полы! – С губ ее сорвался смешок. – Это мы-то, зовущие хлебопечку по имени! Мы, плачущие над проданной машиной! Ругающиеся с принтером! Подбодряющие сенокосилку! И – вы не поверили бы в это еще два дня назад, не так ли? – нас таких большинство.

– Это значит, что большинство – идиоты! – взвизгнул Хильфингер, потеряв самообладание. – Кретины! Сентиментальные придурки! Вы наделяете душой то, у чего ее быть не может! Никогда! НИКОГДА!

– Вы правы, – улыбаясь, согласилась Маргарет Эштон, и он осекся. – Мы наделяем душой все, даже то, у чего ее заведомо нет. Но может быть, когда-нибудь случится так, что эта странная нелепая привычка вдруг обернется истиной. Я не знаю, как и когда это произойдет. Но мы не позволим вам отобрать у нас этот дар.

Она выдернула из руки Диксона лист и поставила на нем размашистую подпись.

Диксон собирался применить одну из своих улыбок горячей благодарности, но почувствовал, что под ее взглядом у него что-то случилось с губами.

– Вы вообще никогда ничего у нас не отберете, – отчеканила Маргарет Эштон.

* * *

Скрип-скрип.

Скрип-скрип.

Солнце садилось за лес. Над западными холмами собирались легкие облака.

– Том, в ловушке снова крыса, – заметила миссис Эштон, не отрывая глаз от вязания. – Убей ее, пожалуйста.

– Да, мэ.м.

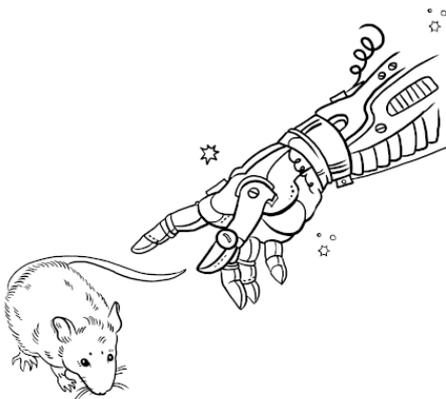
Шуршала кукуруза, пересыпалась пшеница. Энтони толкал к сараю старую тележку. Дэнни раскачивал на качелях визжащую от восторга сестру.

Робот Том удалялся от дома.

На сгибе его локтя болталась ловушка для крыс.

Робот Том вышел на край поля, присел на корточки, разжал скрипучие металлические пальцы.

И выпустил маленькую серую крысу в золотую траву.

День святого Патрика

Этот рассказ победил на конкурсе «Рваная грелка» в две тысячи шестнадцатом году, что до сих пор является предметом моей большой гордости. Тема была сформулирована так: «Машина неопределенного времени». Патриком зовут моего пса. Я давно хотела использовать где-нибудь это имя. «День» – один из тех текстов, которые появляются в голове сразу и целиком, их не нужно придумывать, и это всегда подарок.

– Простите меня, святой отец, ибо я согрешил!

Бран всхлипнул и уронил слезу размером с голубиное яйцо.

– Да ну? – усомнился Патрик.

– Страшно согрешил!

Ноги толстяка подогнулись, и он бухнулся перед священником на колени. Церковное крыльцо обреченно скрипнуло.

По частоте таких падений Бран держал первое место среди жителей общины. Иногда у Патрика закрадывалась мысль, что жирный олух пытается таким образом контролировать свой вес. В тот день, когда у преподобного не хватит сил, чтобы поднять его, Бран примется худеть.

– Что говорят по этому поводу Два Ствола? – философски осведомился Патрик, не делая и попытки помочь духовному сыну.

Бран уставился на него снизу вверх. В таком ракурсе он напоминал молочного поросенка на рыночном прилавке. Крепкого такого, переросшего поросеночка. С пятидневной щетиной.

Мимоходом отметив, что это заимствованное воспоминание, Патрик поощрительно улыбнулся толстяку.

– Ну же, Бран!

– Оберни деньги, посчитай стволы, пристегни ремень? – выдавил тот после мучительных раздумий.

Священник укоризненно покачал головой.

– Друг мой, Слово должно идти прямо к сердцу. Подумай еще.

Бран даже вспотел от натуги. Или от непривычки к долгому стоянию на коленях.

– Не помню, святой отец.

– Лишний вес тебе на мозги давит! – процитировал Патрик. – Запомни это и не пытайся думать своей головой. Предоставь мне решать, греховно ли твое деяние. Так что ты натворил?

– Я вlepил Фани оплеуху!

Бран уткнулся в колени Патрику и облегченно зарыдал.

Пару минут священник выжидал, положив руку на содрогающееся плечо. Наконец толстяк шумно всхлипнул, и Патрик потянул его вверх.

– Ты сильно разозлился, сын мой?

– Она обозвала меня паучьей мошонкой! – Бран вытер слезы, нагнулся и ожесточенно потер колени.

«Весьма образное сравнение», – мысленно одобрил Патрик. А вслух нравоучительно заметил, что слово может быть как легче пера, так и тяжелее камня. Лишь тому, кто слышит, дано наделять его весом.

– И бросила в меня дохлой чайкой! – выкрикнул Бран.

Если бы Патрик умел вздыхать, он бы вздохнул. Порой ему остро не хватало этой функции.

– Дурно не то, что ты ударил ее, Бран. А то, что вышел из себя.

Священник обернулся и прищурился, пытаясь рассмотреть в стайке вопящих детей рыжую головенку Фани.

– Она в сознании?

– Господь всемогущий, да вы что! – испугался Бран. – Облаяла меня и удрала.

Но Патрик уже и сам обнаружил на ветке дерева знакомую фигурку. Судя по тому, что он видел, девочка не оставила своих упражнений на точность броска. Только на сей раз мишенью выступали сыновья Брана.

– Она швыряет в них овечьим дерьмом! – взвизгнул толстяк и дернулся, но Патрик удержал его на месте.

– Чему я учил тебя, сын мой?

Под его укоризненным взглядом Бран густо покраснел.

– Спокойствием и благожелательностью душа очищается от скверны.

– Вот именно. Предоставь своим мальчикам самим получить этот небольшой урок.

Бран покорно склонил голову.

– И помни, что чрезмерная забота ведет к беде! Невмешательство – вот главный принцип воспитания. Ты понял меня?

– Да, святой отец.

Из-под дерева донеслись вопли, полные бессильной ярости. Фани определенно делала успехи.

– Гнев есть обратная сторона радости, ненависть – обратная сторона любви. – Патрик двинулся вдоль берега, и Бран, пыхтя, последовал за ним. – Ты чрезмерно печешься о своем достоинстве. Потому-то тебя так рассердила выходка девочки. Завтра в наказание будешь помогать ее отцу латать крышу амбара.

За его плечом жалобно пискнули. Патрик подождал, но других звуков не последовало: несчастный Бран, похоже, заранее пытался справиться со своей боязнью высоты.

– Что говорит нам Американский Психопат? – священник остановился и поднял палец к небесам. – Если у девки хороший характер, это подозрительно!

В сотне шагов от них на краю скалы в наспех выстроенной будке высилась крепкая фигура сторожевого. Патрик не умел читать мыслей, но доподлинно знал, о чем думает молодой Рот. Его, лучшего охотника общины, заставили торчать здесь как чучело на огороде и беспрестанно пялиться в море, словно оттуда могла показаться баба с упругими сиськами. Еще и вручили трещотку, будто в издевку: мол, наслаждайся ее истошным визгом, малыш. А все священник, будь он неладен!

Впрочем, трещотка должна была подать сигнал лишь один раз. Или не подать вовсе.

Патрик снова обернулся к толстяку:

– Что делает тебя сильным?

– Безучастность!

– Безучастность, – многозначительным эхом повторил священник.

– Клянусь, святой отец, я буду безучастен как скала!

В доказательство Бран стукнул себя в грудь и зверски выпучил глаза.

«Вздохи! – подумал Патрик. – Как быгодились вздохи...»

Оставшись один, он не сразу вернулся в церковь, а постоял на берегу, глядя в ту сторону, где дрожала и вновь натягивалась тонкая нить горизонта. Со стороны казалось, будто священник о чем-то размышляет. На самом деле Патрик высматривал плавучие средства.

Ничего. Ни лодки, ни даже самого заваливающего плота. Патрик весь превратился в зрение; он видел чаек, ныряющих за добычей в трех милях от берега, видел дрейфующий ковер водорослей, рассматривал унесенный отливом труп собаки, который облепила стайка рыбешек... Тончайшая настройка всех систем позволяла ему улавливать скольжение огромной рыбы, стремительно движущейся на глубине к месту пиршества. Он мимоходом фиксировал ее размеры и скорость, отмечая, что подобные существа прежде не появлялись возле этих берегов.

Но лодки не было. Со взрыва прошло девять дней: если бы кто-то выжил, они бы уже добрались сюда.

Будь Патрик человеком, он бы застонал от разочарования. Но Патрик был андроидом, и столь яркие выражения чувств не входили в его программу – разве что в качестве демонстративной имитации переживаний. За те двести восемнадцать лет, что он нес слово Божье людям в своем поселке, необходимость в подобной демонстрации не возникла ни разу.

Ну ладно. Допустим, не совсем божье. Временами Патрик задумывался, всем ли анроидам серии «пастор» была отпущена создателями – какое дивное слово в данном контексте – завышенная доза цинизма. И если да, то какими соображениями они при этом руководствовались.

Нельзя сказать, чтобы Патрик откровенно глумился над своей паствой. Нет, он делал это тайно, смакуя и наслаждаясь вкусом собственных шуточек, не понятных ни одному существу, кроме него.

Грубоватым вкусом, по правде говоря. Заимствованная память подсказывала Патрику сравнение с гамбургером, но сам он склонялся к куда более знакомой вареной репе.

Коллекция сохранившихся у них фильмов и так-то не была обширной, но Патрик выбрал из нее самый качественный, сочный трэш. Восемь лент. Он знал наизусть каждую сцену, мог повторить любой диалог. Держа в голове многовековую мудрость человечества и при этом ведя своих подопечных к спасению дорогой, вымощенной цитатами из историй о придурках, маньяках, наркоманах, психопатах, вурдалаках и прочем отребье рода людского, в глубине несуществующей души святой отец хохотал как гиена и валялся в траве точно молодой конь, разбивая копытами воздух над головой и содрогаясь в пароксизмах смеха.

Кто сказал, что у анроидов не бывает чувства юмора?

«Тебе повезло, что ты еще дышишь. Не говоря о том, что можешь ходить. Предлагаю немедленно этим воспользоваться».

Двести лет Патрик вколачивал эту нехитрую Истину Двух Стволов в головы прихожан. Воспользуйтесь, дети мои! Воспользуйтесь каждым миготом, дарованным вам.

Священник криво усмехнулся.

А теперь, когда самому надо выбирать, что предпринять, он стоит тут дурак дураком и понятия не имеет, что делать дальше.

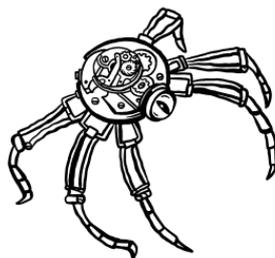
Чему еще учат Два Ствола?

«Твоя тупость может тебя спасти».

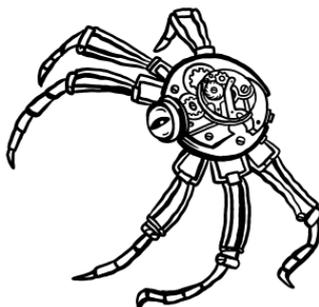
Похоже, пришло время тупых решений. Вряд ли осмотрительность и интеллект в данном случае могут помочь. Остальным не помогли.

Первый взрыв случился восемьдесят четыре года назад. Расстояние до эпицентра составляло больше трехсот миль: ни почувствовать, ни услышать его Патрик не мог. Однако внутри сложно устроенного организма анроида включился сигнал, оповещающий о произошедшем, и спящая до этой поры приемная утилита скомпоновала и швырнула ему изнутри в лоб туго скрученный ком воспоминаний, принадлежащих другому.

Он увидел поселение, располагающееся на высоком берегу – такое же, как и его собственное, но с крепким частоколом и даже сторожевой башней. Увидел ошетилившийся непонятными иглами (антенны? шупы?) шар, выкатывающийся из воды. Расплющенных тварей, вываливающихся из шара и бегущих к частоколу с ровным безжизненным стрекотом. Твари были похожи на плоских металлических клопов размером с овцу, но чутье подсказывало ему, что металла в этих гадах не больше, чем в нем самом.

Одно не вызывало сомнений: это автоматика, а не живые существа. Патрик понимал, что даже в самых зараженных областях ни один вид не способен измениться так сильно – а значит, это порождение человеческих рук.

Откуда они взялись, эти стрекочущие машины-убийцы? Что за безумная программа была вложена в них, если два с лишним столетия спустя после того, как планета практически опустела, они все еще двигались, выискивая оставшихся в живых людей и подбирая те жалкие крохи, которые выпали из челюстей войны, самой последней войны на Земле? Где их база, если они перемещаются по воде, а не по суше?

У Патрика было множество вопросов и ни одного готового ответа. Только неправдоподобная в своей яркости финальная картинка: разрушенный форт, искромсанные, словно нарезанные ножницами на лоскуты, тела то ли трех, то ли четырех собак. Взрыв. И огненные деревья, гнущиеся как трава.

Патрик понимал, что эти воспоминания принадлежат не ему, а священнику погибшего селения, но от этого было не легче. Даже хуже: он узрел не просто чужое прошлое, а свое будущее.

Некоторое время его питала надежда, что высадка «клопов» была случайностью, гибельной, роковой, но случайностью. Возможно, думал Патрик, уничтожив триста с лишним человек и взорвав форт, они сгнули в морской пучине навсегда. Закончился ли заряд или миссия была выполнена, но больше они не вернуться.

Этой иллюзии ему хватило на целых сорок лет. До второго взрыва.

Он неспешно вернулся к церкви, слушая, как у подножия скалы разбивается волна за волной. Дети, готовые сцепиться в драке, при виде священника разлетелись в стороны, точно однополярные частицы. Патрик подключил анализатор эмоций, выискивая страх на перепачканных мордашках. Нет, страха не было. Они не боялись наказания, они хотели ему понравиться.

Патрик пристально взглянул на двух крепко сбитых угрюмых мальчишек с курчавыми черными волосами.

Весьма дурно пахнувшими волосами!

– Пэт, Ран, помойтесь. Фани, подойди ко мне.

Девочка приблизилась, поглядывая исподлобья на своих удаляющихся врагов. Патрик присел на корточки.

– Ты кидала в братьев навозом, – мягко сказал он.

– И еще кину, – заверила Фани. И на всякий случай выпятила нижнюю челюсть.

Вот же дикий боевой лягушонок. Маленький, страшенький, тощий. Все острое: взгляд, локти, колени, торчащие дыбом пряди цвета обожженной глины.

Патрик сдержал ухмылку, вспомнив, почему выбрал именно это имя для младенца.

Крошечка Фани сидела в чулане.

Фани была голодна.

Гусей воровала

И тут же съедала.

Живыми.

Без соли.

Одна.

Счастливым родителям он сообщил, что это Шекспир, величайший поэт прошлого. А поедание гусей сырыми – особая доблесть. Все равно никто из его подопечных понятия не имел, что такое гуси. Решили, что разновидность улиток.

– Поможешь мне отнести тюки с одеялами в убежище, – распорядился Патрик. – И не вздумай удрать.

Дорога к бункеру вела через лес. Когда-то здесь были непролазные заросли, страшные не из-за хищных зверей, а из-за насекомых. Последние полторы сотни лет Патрик упорно зарисовывал разнообразных кровососущих тварей, но они мутировали с пугающей быстротой. Ему катастрофически не хватало знаний по энтомологии, но он все же выявил самых опасных, чей секрет сам по себе вызывал локальное воспаление, быстро переходившее в лихорадку, и шаг за шагом, медленно нащупал средство борьбы с ними.

Собачья моча. Они опрыскивали ею посевы, надеясь, что она поможет заодно избавиться от ржавки, а потом стали постепенно углубляться в лес. Со ржавкой в тот раз ничего не вышло, зато тропа к озеру стала почти безопасной. Раз в неделю они обрабатывали вонючей жидкостью полосу кустарников и деревьев, и за последние пять лет лесная лихорадка не унесла ни одной жизни.

Первым испытал собачью мочу именно Патрик. По понятным причинам укусы клещей были для него совершенно безобидны, а потому он мог забираться в глубь леса, исследуя все новые места. Нельзя сказать, чтобы эти вылазки были безопасны: дважды на него напали лоси, а один раз священник провалился в болото, удачно притворяющееся поляной, откуда выбрался лишь благодаря счастливой случайности. С тех пор Патрик стал куда осторожнее.

Но именно благодаря этим коротким одиночным экспедициям он нашел бункер.

От поселения его отделяло меньше полутора миль. Какова была вероятность основать форт именно там, где поблизости имелось укрытие? Священник полагал, что совпадение практически исключено.

Кто-то знал, что бегущая от смерти изможденная группка людей выберет именно это место. Патрик искал свидетельства, что на берегу уже тогда находились какие-то постройки, но к тому моменту, когда он обнаружил бункер, спрашивать было некого – все первые поселенцы умерли.

Лес по обеим сторонам больше напоминал клубок, разодранный озверевшей кошкой. Спутавшиеся, перекрученные нити ветвей пару раз хлестанули Патрика по щеке.

Девчонка кряхтела под тяжестью огромного тюка, но тащила, не сбавляя шага.

– За что ты ополчилась на Брана?

Серые глаза недобро сверкнули.

– Он сказал, мы все умрем!

– Что? – нахмурился Патрик.

– Он сказал, смерть придет за каждым! – девчонка яростно шмыгнула. – Кто ему позволил? Жирный кусок дерьма! Как он смеет говорить, что мама умрет?

Она готова была разрыдаться, но сдерживалась из последних сил.

– Ты очень любишь ее, – утвердительно сказал Патрик.

Фани молчала. Пыхтела, уставившись в землю, кусала губы, но не говорила ни слова.

Черт возьми! Он был уверен, что добился прекрасного результата со всей группой, и вот пожалуйста.

Олухи. Вот в чем причина. Тяжело иметь дело с олухами. У людей умных голова напоминает ящик комода: выдвинь его, вложи в него мысль, закрой, и она будет храниться там до скончания века. Возможно, слегка помятая, даже поеденная молью. Но ты найдешь ее там, где оставил.

А с дурнями все иначе.

У Патрика не было иллюзий по поводу своей паствы. Он помнил тех, первых, разбудивших его. Они были приспособлены к жизни в новом мире не больше, чем черепаха к супу: вроде бы эти двое неплохо совмещаются, но понятно, что ненадолго и без всякой радостной перспективы для черепахи. Однако они были умны, а главное, воспринимали на веру все речи, исходившие от святого отца.

Нынешние поселенцы отличались от них, как трилобиты от мокрицы. Эволюция развернулась и решительно пошла в обратную сторону, упрощая все, что можно упростить. Да, физически каждый ребенок поселка дал бы двести очков форы любому из прежних взрослых – тех, первых. Не говоря об умении освежевать лося, пройти сквозь гудящий рой диких пчел и соорудить в лесу простейшее укрытие.

Но они стремительно глупели. Их мозги не были способны к обобщениям и абстрактным понятиям. При этом упрямства и самостоятельности хватало в избытке, и в последние десять лет все чаще раздавались вопросы, по какому праву святой отец берет на себя смелость всеми руководить. Наставлять детишек – пусть. Но взрослые лучше знают, что делать.

Патрик не удивился бы, если бы молодой охотник, назначенный нести вахту на скале, послал его ко всем земляным червям. Но тот не посмел отказаться. Пока не посмел.

«Если так пойдет дальше, у меня есть все шансы доживать при поселке кем-то вроде местного дурачка».

– Я и тебя люблю! – внезапно прорезалась Фани. – Страшно-страшно люблю! Даже со скалы бы прыгнула ради тебя!

Патрик искоса глянул на девчонку.

– А что говорят Два Ствола?

Фани не задумалась над подходящей цитатой ни на секунду.

– У них же, мать их, пушки! А в них же, мать их, пули!

– И что это значит?

– Что мы должны думать на шаг вперед и быть осторожными.

Фани сорвала с ветки лист и сунула в рот черешок. Хороший интеллект, повышенный эмоциональный фон, причем стабильно повышенный – нехорошее сочетание. Плюс бесстрашие, плюс выраженные лидерские качества. Девчонка способна свести на нет десять лет его работы, если начнет объяснять другим детям, почему напала на Брана.

Патрик быстро просчитал вероятности исхода предстоящего разговора в зависимости от выбранной модальности и решил остановиться на самой сложной: безальтернативной откровенности.

– Фани, почему закончился старый мир?

Она взглянула на него, удивленная и даже несколько оскорбленная тем, что ее спрашивают о самых азах.

– Люди воевали. У них было много оружия. Больше, чем людей. Оружие истребило их.

– Да, но почему?

– Я же сказала! – она начала сердиться. – Это было сильное оружие!

– Нет, Фани. Отчего люди затеяли войну?

Эту тему они еще не обсуждали. Фани наморщила лоб и попыталась вспомнить, что слышала от старших.

– Взрослые стали злыми? – предположила она. – Они хотели убивать друг друга? Я тоже иногда хочу кого-нибудь убить. Иногда даже тебя!

– А порой ты хочешь прыгнуть ради меня со скалы, – кивнул Патрик. – И то, и другое желание вырастают из одного семечка в твоей душе.

Он рисковал, обращаясь к метафорам, но надеялся, что она поймет.

– Человечество уподобилось подростку, которого раздирают противоположные чувства, – медленно сказал священник. – Как если бы к человеку привязали нескольких лошадей и стегали их, заставляя рваться в разные стороны.

– Что такое лошади? – перебила Фани. – Большие птицы?

– Почти. – Он решил не вдаваться в подробности. – Что случится, если три коршуна потянут тебя на север, запад и восток?

– Меня разорвет на части!

– Да, Фани. И ты погибнешь. То же самое случилось с человечеством. Люди сами довели себя до гибели, их ярость, ненависть и любовь были чрезмерны.

– Что плохого в очень большой любви? – сопротивлялась девочка.

Они вышли на опушку. Фани, сбросив тюк, опустилась на траву, он сел рядом.

– Представь, что ты страстно возлюбила бога. Тогда тех, кто кричит, что твой бог – выдумка, ты станешь ненавидеть. Ты решишь убить их, Фани. Понимаешь меня?

Та молчала.

– Но если твоя любовь смиренна и спокойна, ты не будешь ненавидеть глупца, заявляющего, что бога нет. Вы не затеете драку, как ты сегодня затеяла с Браном. Он не ударит тебя по щеке, твоя мать не кинется мстить за твою боль, вы будете жить мирно, без ссор и насилия. Вот путь к выживанию для человечества: укрощение эмоций.

Патрик все еще ощущал силу исходящего от девочки протеста, но тот ослабевал.

– Фани, я не застал войны. Может быть, ты знаешь, что нас, священников, создали последними. Тридцать восемь поселенцев спаслись и бежали сюда, где есть воздух, пригодный для дыхания, и вода, которую можно пить. Они запустили мой жизненный цикл. Так что можно сказать, я родился здесь, как и ты.

– Я знаю, – твердо сказала она. – Прадедушка мамы был ученым.

Патрик уловил неуверенность, исходящую от нее: Фани не понимала значения последнего слова. Да и ее мать, от которой она его услышала, наверняка тоже не представляла, кем на самом деле был ее предок. Лишь эхо настоящих смыслов доходило до них всех. В их жизни существовали только прикладные занятия, и Патрик был единственным исключением.

– Наша община – зародыш нового человечества, Фани. Многие погибли, многие остались искалечены в борьбе с новым миром, в котором нам приходится существовать. Но мы живем. И мы не имеем права повторить тот ошибочный путь, которым прошли миллионы до нас, потому что он привел их к гибели. Мы следуем заповедям. Что гласит первая из них?

– Возлюби ближнего как самого себя, то есть умеренно.

– Умеренно, дитя мое! Привязанность детей к родителям очень сильна в первые десять лет жизни, но постепенно она слабеет. И это правильно. Так и должно быть. Остается лишь симпатия, нежность, забота. Я повторю тебе то, что сказал Бран: рано или поздно твоя мама умрет.

Патрик сделал паузу, но на этот раз девочка лишь прерывисто вздохнула.

– Даст бог, это случится не скоро, – мягко добавил он. – Мы все уйдем в свой срок, Фани. Представь, какое огромное горе причинит близким наш уход, если их любовь будет так же огромна, как твоя сейчас. Мы оставляли бы за собой, умирая, выжженное поле тоски, горя и страха перед жизнью. Разве этого ты хочешь для тех, кого любишь, дитя мое?

Девочка украдкой вытерла слезы и помотала головой:

– Я буду учиться справляться со своими чувствами, святой отец.

– Все мы учимся, милая. Поверь мне, быть бессильными заложниками собственных страстей – незавидная участь.

– Кроме вас.

– Что?

Фани поднялась и теперь смотрела на него сверху вниз. Она отчего-то разом стала выглядеть очень взрослой – Патрик даже не успел проанализировать этот неожиданный эффект.

– Кроме вас, святой отец. Ведь вам не нужно учиться не испытывать любви. Вы уже все умеете. Вы не любите нас – так говорит мама. Берегайте, учите, заботитесь. Но не любите по-настоящему.

Голос ее, обычно сиплый, вдруг зазвучал четко и звонко.

«Враждебность!» – безошибочно определил Патрик. Враждебность, горе, страх, тоска по архетипическому отцу – настоящего она практически не помнила – и острое желание прикосновения. Патрик мог пойти ей навстречу, мог обнять девочку, но не стал этого делать.

– Твоя мама совершенно права, – сказал он и тоже поднялся. – Именно по этой причине я все еще рядом с вами спустя столько лет.

«Надо было добавить, что в этом нет моей заслуги. Меня таким создали».

Патрик разложил одеяла на полках и потер лоб движением, давным-давно подсмотренным у прапрадеда Фани.

Он начал разговаривать с собой около полувека назад и сперва решил, что это свидетельство подступающей деградации. Однако со временем, видя, что больше никаких свидетельств регресса нет, священник пришел к другой мысли: окруженный людьми, он всего лишь копирует их привычки. Его адаптационные способности были невероятно высоки, куда выше, чем у любой другой модели, за исключением разве что Учителей. Но Учителей после войны не осталось.

«Очеловечиваюсь», – поставил Патрик себе неутешительный диагноз. Достаточно вспомнить собственную реакцию на убежище.

Бункер его ошеломил. Это было прекрасно замаскированное сооружение, рассчитанное человек на двести: огромное бомбоубежище, похожее на провалившийся под землю гигантский вагон. Железобетонный монолит, усиленный балками и арматурной сеткой: знания об устройстве подобных конструкций существовали в памяти андроида, но он и подумать не мог, что увидит одно из них собственными глазами.

Удара ядерной бомбы бункер не выдержал бы, но ядерных бомб в мире больше не существовало.

Когда Патрик узнал о гибели первого поселка, он начал догадываться, зачем нужно убежище. Сорок лет священник надеялся, что все же ошибся, но когда с востока пришло известие о втором взрыве, сомнений не осталось.

От человека Патрик отличался в том числе тем, что всплывающие в его голове знания воспринимал как должное. Он никогда не подозревал, что между ним и другими андроидами существует связь, и даже не размышлял, есть ли те, другие, – но когда воспоминания умирающего священника брызгами выплеснулись перед его внутренним зрением, Патрик был к этому готов. Информация всплывала постепенно, словно он шел по лестнице в густом тумане и с каждым новым шагом перед ним проявлялись очертания новой ступени.

Он ни с кем не делился открывающейся ему картиной нового мира. На это существовал императивный запрет. Патрик обдумал его и решил, что понял причину. До сих пор все силы людей были целиком устремлены на выживание и поддержание рода, а разговоры о тех, кто, возможно, сумел спастись после катастрофы, велись бесцельно, ради одной лишь болтовни. Не исключено, что рассказы он правду, его подопечные сорвались бы с места в поисках себе подобных.

И погибли.

Так что Патрик держал свои знания при себе.

Однако спасшиеся были.

Пять групп.

Все – в этой части континента. Их отделяло друг от друга не такое уж большое расстояние, но пока оно казалось непреодолимым. Не из-за тягот пути, а потому что сами люди не были готовы. Это тоже была область чистого знания, вложенного извне, и Патрик не подвергал его сомнению.

Каждую группу сопровождал священник. Данный факт наводил Патрика на мысли, что появление его общины именно в этом месте не было случайностью, как и то, что у них с собой оказался андроид в предвительном сне. Люди как будто договорились, что разделятся и попробуют выживать небольшими группами с помощью духовных поводырей. Он бы мог даже поверить в это, но подобная затея противоречила всякой логике и здравому смыслу.

Третий взрыв случился десять лет назад. К этому моменту священник уже точно знал, что нападения «клопов» всегда происходили по одной схеме: оцетинившийся иглами шар подплывал к берегу, каждый раз днем, и вываливал из своего чрева десятки автоматических машин. Видимо, тревогу в поселке поднимали слишком поздно. Патрик не видел изувеченных тел. Он слышал грохот взрыва, свист разлетающихся осколков – и наступала тишина, нарушаемая только шуршанием лапок по песку. Каким образом машины ухитрились взорвать человеческое поселение и зачем они это делали, он так и не смог понять.

А до четвертого поселка они добрались девять дней назад.

Закономерность очевидна. «Время на поиск людей у них все сокращается. Скоро они высадятся на нашем побережье».

Чему учит нас Охотник на Вампиров?

«Упрись и стой твердо. Самое главное – где именно встать».

Патрик обошел бункер и раздвинул ветки около запасного выхода. Там на корточках сидел Дорн – молчаливый верзила с репутацией смельчака.

– Вода не испортилась? – первым делом спросил Патрик.

Дорн отрицательно качнул головой. Он был скуп не только на слова, но и на жесты.

С тех пор, как Патрик наткнулся на бункер, он готовил людей к тому, что им придется укрываться в нем. Одно поколение сменялось другим, уже подрастало третье, и год за годом священник приучал паству к простому ритуалу: по его сигналу все должны покинуть свои жилища и бежать в укрытие. Без промедления. Без сомнений. Это единственный шанс спастись от смертоносного шара, выплывающего из моря.

Теперь, когда его группа осталась последней, Патрик удесятерил бдительность. Он пополнил бочки в убежище водой и раз в неделю менял ее. Провизию и все необходимое на первое

время священник начал перетаскивать в бункер уже давно, несмотря на возражения общины. Люди не понимали, зачем вялить мясо, если можно съесть его сейчас. Зачем их заставляют набивать дополнительные матрасы, которые к тому же не используются в домах, а валяются без всякого смысла в подземном амбаре. Но авторитет Патрика пока держался, и ему не противоречили в открытую, лишь ворчали.

«Мы укроемся здесь. Переждем нападение. Три дня, семь дней, две недели – сколько потребуется. Потом выйдем, отстроим поселок и начнем все заново».

План был не слишком хорош. По правде говоря, он сильно напоминал изветшавшую тряпку, так много в нем было дыр и расползающихся ниток. Но другого не имелось.

Толстяк Бран непременно спросил бы, что произойдет, если машины не вернуться откуда пришли, а осадят бункер.

А Патрик призвал бы на помощь Тарантино, да будет его чтиво криминальным во веки веков, аминь. «Если мои ответы пугают тебя, перестань задавать страшные вопросы».

А ответы не нравились и ему самому. Черт возьми, человечество – просто неистребимая болячка, если даже андроида они ухитрились заразить своими надеждами и страхами.

Умирать не хотелось, вот что.

Раз поймав себя на этом немислимом ощущении, Патрик трезво оценил положение дел. Похоже, у него вышел срок эксплуатации. Или он изначально сошел с конвейера бракованным. Его абсолютным приоритетом по-прежнему оставалось благополучие общины, но при этом он отдавал себе отчет в том, что сохранить собственную жизнь тоже хочется.

«Жизнь?»

Ладно. Пусть будет существование.

Интересно, есть ли у него свобода воли? Какие скрытые механизмы включатся в последний момент, заставляя его принять навязанное кем-то решение? И поймет ли он, что это не его собственный выбор?

Вера в бога не была прошита в настройках андроида. Очевидно, для священника это не считалось обязательным. Иногда его начинал терзать вопрос, верит ли он в себя.

Кто он такой? Всего лишь машина из прошлого, того прошлого, которое обглоданным собачьим скелетом легло на морское дно и погружается в песок все глубже, вытолкнув напоследок крошечный пузырек воздуха. Давай признаемся откровенно, святой отец: ты ведь тоже принадлежишь ему. Пусть лишь отчасти, лишь в той степени, в которой стрела принадлежит выпустившему ее луку. Хочешь сказать, что это ерунда и стрела летит свободно, выбирая цель и прокладывая маршрут? Вот именно, святой отец, вот именно.

У вас даже нет полноценного летоисчисления. Оно ведется от первого года жизни общины. Но вам не известно ни как давно случилась война, ни сколько она длилась. Те, кто нафаршировал тебя информацией, как индюшку рисом, не удосужились сообщить об этом. По умолчанию Патрик предполагал, что первые разбудившие его поселенцы и были отрывкой войны. Но иногда его охватывали сомнения.

– Мне надоело здесь торчать!

Он обернулся на сиплый голосок.

– Идем, Фани. Пора возвращаться.

Половину пути они проделали в полном молчании. Девчонка что-то сосредоточенно обдумывала, кусая губы.

– Ты что-то хочешь мне сказать, Фани?

Она только вызывающе фыркнула.

«Еще лет сто назад нельзя было даже представить, чтобы семилетняя малявка ответила мне настолько непочтительно. Возможно, я допустил ошибку, когда не выбрал для себя роль

ангела, посланного к общине великими людьми прошлого. Еще роль чародея мне неплохо бы удалась. Борода и мои развевающиеся седые космы удачно вписались бы в образ».

Патрик ухмыльнулся. Свобода выбора, да? Правда остается правдой, ложь становится историей. На том стоит Авраам Линкольн, Охотник на Вампиров.

Бывают ли андроиды дураками, вот в чем вопрос. Похоже, ответ будет утвердительный для того, кто выбрал правду вместо выдумки: я всего лишь наставник, который должен вдолбить в ваши тупые головы нехитрые правила, оставленные в наследство моими создателями.

Любите друг друга умеренно. Не позволяйте чувствам диктовать рассудку. Не привязывайтесь. Помните о важности своих жизней.

Что еще?

Гамбургеры – краеугольный камень здорового питания.

– Рот удерет оттуда.

Патрик не сразу понял.

– Что?

– Рот сбежит со скалы, – повторила Фани. Губы сжались в твердую линию. – Он сам так сказал. Сказал, что на востоке видели оленей, и нечего ему торчать...

Патрик не дослушал. Он отшвырнул пустые тюки, подхватил Фани и рванул с места.

Он мчался, твердя себе, что ничего страшного не случится оттого, что охотник бросит свой наблюдательный пост. В конце концов, они были там всего пару часов назад, и ничто не предвещало...

Густую лесную тишину пререзал отвратительный визг трещотки.

Человек бы оцепенел. Андроид продолжал бежать. Но несколько секунд этот бег был ничем иным, как формой оцепенения.

Фани вывернулась из его рук диким зверьком, спрыгнула на землю и помчалась рядом со священником, не отставая ни на шаг.

Когда они выскочили из леса, первым, что увидел Патрик, был толстяк Бран, выплясывающий на скале безумный танец с трещоткой в руках. Кто-то безостановочно кричал, тыча пальцем в сторону моря. Воздух наполнился воплями, плачем, хлопаньем дверей, перепуганным топотом, лаем и выкриками. Но все перебивал неживой визг трещотки, словно одуревшей от происходящего.

Паника смяла туго натянутое полотнище реальности, расшвыряла маленькие фигурки по всему поселку. Патрик одним взглядом охватил старую Мару, зачем-то бегущую к колодцу, сыновей Брана, волокущих из дома мешок с зерном, троих охотников, растерянно замерших с добычей на дальнем краю леса, и прочих, прочих, прочих, не понимающих, что происходит, растерянных, бестолково мечущихся по берегу.

И металлический шар, наискось режущий волну.

Он был похож на луну. Дохлое небесное тело, изъеденное жадными метеоритными дождями и всплывшее кверху брюхом. Серебристо-желтое, старое. Совершенно такое, каким видел его Патрик в своих/чужих воспоминаниях.

И оно было слишком близко.

«Подключить ресурс громкости звука», – сказал себе Патрик.

«Все идет по плану», – сказал себе Патрик.

«Почти».

Его мощный голос, усиленный до ста децибел, обрушился на поселок и заставил всех застыть на месте.

– В убежище! В убежище!

Его царапнула мысль о том, что тренировок было слишком мало. Он должен был приучать людей к тревоге каждую неделю! Они не сориентируются. Они растеряны. Они вновь испугаются его оглушительного приказа, как это случалось каждый раз.

Но тут трещотка Брана наконец заткнулась, и вместо нее раздался пронзительный крик:

– Опасность! В укрытие! Бегите, придурки!

Орала Фани. Она надрывалась как проклятая, эта крошечка Фани, без труда перекрывая все вопли. Казалось, она залита визгом под завязку и он облегченно выплескивается из нее, точно струя из проколотого бычьего пузыря.

Побежали сразу и все. Словно кто-то переключил тумблер с паники на осознанность. Толпа, мигом собравшись вместе, резво двинулась к тропе, ведущей в бункер.

Все остальное они сделают, понял Патрик. Если им удалось собраться сейчас, они без труда вспомнят, как пользоваться убежищем.

Определенно, все идет по плану.

Кроме одного: шар уже в сотне метров от берега. И плоские твари выберутся из него раньше, чем люди успеют добраться до бункера.

«Порой думаешь, что все хорошо, а уже кто-то роет тебе могилу». Спасибо, Американский Психопат, ты сейчас как нельзя более кстати.

Мимо, запыхавшись, пробежал Бран.

– Святой отец! Почему вы стоите?

Патрик посмотрел на него и потер лоб движением, позаимствованным у прапрадеда Фани. Оно было бессмысленное. Просто нравилось ему.

– Беги, Бран, – мягко сказал он.

– А вы?

– Должен же кто-то донести до этих существ слово божье!

Патрик ухмыльнулся. Бран смотрел на него расширившимися глазами.

– Беги, – повторил священник. – Они задержатся, пока слушают мою проповедь. Задрайте двери, как я показывал, и экономьте воду.

– Святой отец...

– Пошел! – гаркнул священник, и Бран, икнув от ужаса, припустил что было сил.

Патрик ухмыльнулся.

Значит, проповедь, святой отец? И чему же мы будем учить этих мелких искусственных ублюдков? Пожалуй, вот чему: когда пляшешь с дьяволом, пляши до конца песенки.

Он обернулся и увидел только спины, исчезающие под кровлей леса. Хорошо. Люди успеют. Если ему удастся хотя бы ненадолго остановить тварей, люди точно успеют спрятаться.

Вот сейчас хорошо бы вздохнуть. Или посвистеть. Патрик сложил губы в трубочку и подул. Да, свист – это приятно. Хотя и бессмысленно.

Ну что ж, обратимся в трудную минуту к Чужому.

«Не скрою, шансов у вас нет. Но мои симпатии на вашей стороне».

– Шансов, – вслух повторил священник, прислушиваясь к модуляциям собственного голоса. – Симпатии.

Он двинулся к берегу, по дороге вытащив из косяка ближнего дома нож сбежавшего Рота. А Бран оказался не таким уж тупицей, а, святой отец? Заменял охотника, поднял тревогу, хотя и позже, чем следовало...

Нет, не так. Дураком-то он как был, так и остался. Но у этого жирдяя – кто бы мог подумать – весьма развитое чувство долга.

А значит, у вас больше общего, чем ты думаешь, святой отец.

Патрик снова засмеялся. Определенно, смех доставлял ему удовольствие.

Шар, оцетинившись иглами, выкатился на берег. По боковой поверхности побежала тонкая трещина, и панель отъехала в сторону, открывая черный прямоугольник. А там уже поблескивало, шевелилось, стрекотало и готовилось посыпаться из чрева этой гадины вниз, на вылизанный волнами песок.

– Welcome to the hell, bitches! – с широкой улыбкой провозгласил Патрик.

Давно хотел это сказать. А со своей общиной как-то повода не было.

Ну что ж, сделал все, что собирался. Вот только это ощущение беспросветного идиотизма происходящего... Такое странное. Такое человеческое.

И так не вовремя.

Зато теперь не осталось никаких сомнений, что там со свободой воли. Никто не заставляет тебя героически подыхать в одиночку, святой отец. Выбор за тобой. Еще не поздно бежать! Твою общину, скорее всего, перебьют, но зато ты сможешь еще много-много лет бродить по берегу, насвистывая в свое удовольствие.

Может быть, даже научишься вздыхать.

Ты ведь не любишь их. Фани сказала правду. Оберегаешь, заботишься, но не любишь.

Тебе это запрещено.

Как и им.

Тогда какого черта, имея выбор, ты торчишь здесь точно прыщ на заднице, когда твой долг закончился на том, чтобы донести до своей паствы главную истину: не любите, и не любимы будете, и тем спасетесь?

Патрик остановился, поудобнее перехватил нож и стал ждать. «Надеюсь, рыжая девка выживет».

– Заходи слева, Рот.

– Ты мне покомандуй еще!

– Где мой нож?

– Заткнитесь! Вот они, ползут.

– У-у, сволочи...

Патрик очень медленно обернулся.

Они стояли на окраине поселка. Старая Мара с заостренной палкой в костлявой руке. Дорн, возвышающийся над остальными на добрых две головы. Рот, старающийся не встречаться с ним взглядом. Жирный Бран с сыновьями и женой. Мать Фани, такая же острая, рыжая, легкая и злая. Охотники, рыбаки, женщины, подростки – они были здесь, все до единого, кроме грудных младенцев и их матерей. Триста человек, вся его община.

Патрику показалось, что внутри него что-то щелкнуло. Впервые за двести с лишним лет своего существования он вплотную приблизился к пониманию того, как люди сходят с ума.

– Что? – сказал он. – Что вы здесь делаете?

В темноте недоумения забрезжил слабый луч света. Кажется, он догадался.

– Вы что, не смогли открыть бункер?!

– Идите вы с вашим бункером, святой отец, знаете куда! – сказал кто-то из толпы.

– Ишь, выперся в одиночку.

– Герой! – саркастично добавили слева.

Патрик пробежался взглядом по угрюмым лицам. Анализатор эмоций, похоже, перегрелся и отказал. Потому что священник не был в состоянии сделать ни одного вывода.

Он нашел единственное лицо, по которому можно было что-то прочесть, и вопросительно уставился на тощую взъерошенную девчонку.

– Фани...

Наступило молчание, нарушаемое только стрекотом приближающихся машин и выкриками чаек.

Несколько мгновений маленький человек и старый андроид смотрели друг на друга. Наконец Фани выступила вперед и сжала кулаки. Некрасивое лицо исказилось болезненной гримасой.

– Мы вас тут не бросим! Чего вы еще придумали!

– Херню, – подали голос слева. – Как обычно.

– Старый-старый, а совсем дурак, – согласились справа.

– Ну-ка тише, Дэви! Прояви уважение к святому отцу.

– Вы должны спрятаться в бункере! – отчаянно выкрикнул Патрик.

– Ну ты еще оралку свою включи! – проскрипела Мара. – Чтоб уж мы все оглохли.

До Патрика начало доходить. Они пришли, чтобы защитить его. Поняли, зачем он остался, и повернули с полдороги назад. Но зачем? Зачем они это сделали?

– А ну возвращайтесь в убежище, немедленно! – Он, кажется, был близок к тому, что называется отчаянием, но ресурса на анализ собственных переживаний уже не осталось. – Вас же убьют, идиоты! Чему я вас учил?!

– Стволы – для лохов! – отрапортовали хором сразу несколько человек. – Ножи – выбор мастеров!

– Твоя тупость может тебя спасти!

– Упрись и стой твердо!

– Гамбургеры – краеугольный камень здорового питания!

Патрик взвыл со всей доступной ему сотней децибел:

– Убирайтесь!

Они вздрогнули, но остались стоять. Упрямые твердолобые олухи, презревшие все, что он втемяшивал в их пустые головы столько времени. Не люби, не привязывайся, не позволяй эмоциям взять верх. Они приняли самое бессмысленное и тупое решение из всех возможных и тем самым обрекли себя на гибель, пустив псу под хвост двести лет его усилий.

То ли он оказался бездарнейшим священником, то ли они – никуда не годными прихожанами.

Над скалой показались первые серебристые твари. Стрекот стал отчетливее.

– Вы же все здесь умрете, – обреченно сказал Патрик своим обычным голосом. Он уже понимал, что никто из них не успеет добежать до бункера, даже если кинется туда сию секунду. Все. Время безнадежно упущено. Им пришел конец, и его жертва оказалась напрасной. – Зачем?

Он пытался понять и не мог. В последние минуты его существования это оказалось единственным, что было действительно важным. Зачем они вернулись?

– Потому что вы остались, – сказал кто-то.

– Из-за нас.

– Ради нас.

Они перехватили поудобнее дубинки. Они начали рассредоточиваться. Они больше не слушали святого отца и не считали нужным что-то ему объяснять: враг приближался, и люди готовились встретить его лицом к лицу.

– Потому что вы нас любите, – сказала Фани.

Патрик не заметил, когда девчонка успела оказаться возле него.

– Вы сборище выродившихся кретинов, – бесстрастно сказал он.

– Ага, – кивнула она. – И вы нас любите. Иначе бы не стали нас спасать, правда?

– Правда, – сказал священник. Все равно врать уже не имело никакого смысла. – А теперь отойди и не суйся под ноги.

Он встал в первые ряды, рядом с самыми сильными мужчинами.

– Порадуете нас мудростью перед битвой, святой отец? – насмешливо спросил кто-то.

– Жизнь – сплошной облом, – отозвался Патрик, глядя, как дюжина клопов перевалила через край скалы и приближается к ним. – А потом ты умираешь.

– Славное напутствие!

– Спасибо, святой отец!

Они скалили желтые зубы и старательно прикидывались, будто ничего не боятся.

Их отделяли от их убийц каких-то двести метров, и Патрик не мог понять: осознают ли люди, что у них нет шансов, или с самоуверенностью детей, никогда не сталкивающихся с чудовищами, надеются победить?

Пожалуй, осознают. Они не так тупы, как он привык считать, и у них звериное чутье на опасность.

Сто метров.

Восемьдесят.

Пятьдесят.

Кто-то не выдержал и ахнул, когда клопы оказались близко. В отличие от Патрика, люди не ожидали увидеть ничего подобного.

Смерть приближалась с каждой секундой и выглядела еще отвратительнее, чем ему помнилось.

– Приготовились... – хрипло скомандовали рядом.

«Приготовились умирать», – про себя добавил Патрик.

Интересно, на что это похоже?

Машины на секунду замерли и защелкали громче, точно сканируя своих противников и подводя известный только им итог.

А в следующий миг грянул взрыв. Землю встряхнули, словно одеяло, и священник полетел навзничь. Он увидел, как падают люди, как хватается за виски оглушенный сын Брана, как за лесом вспыхивает огненный цветок с черной сердцевиной и распускается, слизывая кроны деревьев и выбрасывая вверх слепящую алую пыльцу. Мироздание сотряслось до самых основ.

Когда пыль и ошметки травы рассеялись, берег был девственно чист.

Патрик поднялся и помог встать тем, кто рядом. Похоже, все были целы. Монотонно бранился Дэви, Мара призывала на головы всех вокруг такие кары, что в другое время священник не преминул бы отчитать ее за богохульство. Надрывались псы. Кто-то душераздирающе кашлял. Но среди этих звуков больше не было слышно стрекота.

Механические твари исчезли, словно их и не существовало.

– Где они?

– Что это было?

– Дайте руку кто-нибудь!

– Пэт! Ран! Где вы?

Зашевелились, отряхнулись, зашумели и наконец сгрудились вокруг священника, словно у него были ответы на все вопросы.

– Они вернуться?

– Нет, – сказал Патрик, прозревая с каждой секундой. – Они не вернуться.

Крик одного из мужчин, успевшего добежать до берега, засвидетельствовал его правоту. Лунный шар исчезал в море. Уходил все дальше и дальше, пока не погрузился в волны, оставив за собой только пенистый след.

– А что это нас тряхнуло? – дрожащим голосом спросил Бран.

– Бункер, – сказал Патрик. – Бункер взорвался. Там кто-то прятался?

Нет, сказали они, никто. Матери с младенцами укрылись в лесу. Решили, что, случись беда, там у них больше шансов выжить.

– Простите, святой отец, – наконец проговорил кто-то. – Мы вас ослушались.

Патрик обвел их взглядом. Чумадые, перепуганные, так и не понимающие толком, что же произошло.

«А ты сам-то понимаешь, святой отец?»

Да. Теперь понимаю.

Они меня ослушались.

Вряд ли мы узнаем, чей это был эксперимент, и эксперимент ли, и до чего дошло человечество, если пригодных к жизни на этой планете оно решило отобрать именно таким способом.

Нет, не пригодных, поправил себя Патрик. Достойных.

Пять групп. Одинаковые условия. Годы вдалбливания прописных истин, которые должны спасти им жизнь. Поколение за поколением растет в убеждении, что не стоит привязываться. Нельзя любить. Запрещено ненавидеть. Все сильные эмоции смертельно опасны. Будь умеренным в чувствах, ибо это залог выживания.

И рядом с каждой группой – пастор. Искренний, преисполненный заботы. Мудрый. Верящий в то, что говорит.

Всего лишь инструмент. Стрела, пущенная в ложную цель. Искуситель, которому они должны противостоять, если действительно хотят выжить.

Что же это была за война, снова спросил себя Патрик. Остатки человечества сражались и погибли – за что? За возможность вернуть самих себя? Начать все сначала? Позволить жить лишь тем, кто даже под воздействием своего домашнего ангела-искусителя, несущего ложные истины со всем пылом проповедника, примет не то решение, что было навязано, а то, что противоречит всему, чему их учили?

– Огонь!

– Что это было, святой отец?

Патрик не сразу понял, что обращаются к нему. Он пытался осознать, как удалось смоделировать на пяти площадках одну и ту же ситуацию. Каждый священник принимал решение противостоять атакующим механизмам в одиночку. Каждый священник прятал свою группу в бункер, а сам отправлялся на верную смерть.

Похоже, со свободой воли Патрик погорячился.

Или нет?

– Взрыв, – сказал он. – Это был взрыв убежища. Оно уничтожено огнем.

Кто-то ошеломленно присвистнул, осознав смысл его слов.

Спрячься в бункере, который так удачно расположен рядом с фортом, – или выйди на защиту одного из своих, презрев его приказ. Не важно, почему ты на это пойдешь: оттого ли, что привязался к старому андроиду, или потому что убежден, что своих не бросают, или не желаешь отсиживаться в укрытии, пока кто-то умирает, чтобы ты мог жить.

Нарушь правила. Пойди на отчаянный, бессмысленный поступок. Разреши себе быть сильнее логики, выше здравого смысла. Презри рациональность.

И только тогда выживешь. А вместе с тобой и тот, кто учил тебя совершенно иному.

– Надо бы огонь потушить. Пока на лес не перекинулось, – подал голос Бран. Вокруг согласно загомонили.

Патрик встряхнулся.

Да, надо было потушить огонь, привести в порядок дома, собрать разбежавшихся собак. Начинать жить заново.

Все смотрели на него. Почему-то они ждали именно распоряжений священника, хотя разве не доказали недавние события, что он последний, кого стоит слушаться?

Однако ведь есть и другие авторитеты.

– Оберни стволы, посчитай деньги, пристегни ремень, – веско сказал Патрик.

Лица мужчин просветлели.

– Бран, тащи лопаты!

– А ведра?

– Их тоже захвати. Рот, отыщи в лесу женщин и с детьми. Скажи, пусть возвращаются.

Охотник послушно кивнул и исчез.

– Это, святой отец... – помялся Дорн. – Может, какое напутствие скажете нам или еще чего в этом роде...

Священник задумался.

Стоило бы обратиться к Семи Психопатам или Охотнику на Вампиров. Уж кто-то, а они никогда не подводили.

Но Патрик сказал совсем не то, что собирался.

– Если имею дар пророчества, – медленно проговорил он, вслушиваясь в слова, которых никогда не произносил раньше, – и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

Наступило молчание. Люди обдумывали новую весть.

А обдумав, отреагировали на нее так, как только могла отреагировать его паства.

– Гляньте на него! – фыркнула старуха Мара. – Горы он может переставлять! Вечно вы чушь порете, святой отец.

Хранители

Тем, кто помнит мем «погладь кота», будет понятно, из чего вырос этот рассказ. Но если говорить начистоту, он появился не только из шутки, но из моей тоски по умершему мейн-куну Макару.

Этот текст посвящается людям, которые любят своих зверей.

Сон ему снился опять, да все тот же: волнистые холмы, поросшие долгой травой, а на ближнем холме дом бревенчатый.

Проснулся Иван Степанович в холодном поту.

Вот откуда у него такое в голове, а? Что это вообще значит – «трава долгая»? Травы известно какая: черная да жесткая.

Иван Степанович скорее потянул к себе мешок, вынул сонного котика и принялся гладить: сперва торопливо, потом медленнее, плавнее.

Котик распластался у него на коленях, усы расфуфырил, запел.

Через некоторое время полегчало. Иван бережно вернул кота в мешок и поднялся.

Доковылял до тракта, обходя стороной редкие кусты и держась подальше от лишайников, плешью расползавшихся по валунам. Прошлой зимой сынок кузнеца скovyрнул такой лишай, а под ним вскрылся багрово-синий глаз. Как глянул этот глаз на парня, тот ума-то и лишился. Прибежал домой, руками машет, об стены бьется. Так и помер к вечеру.

А не лезь куда не надо, не трогай чего не знаешь.

И, конечно, котика с собой бери. Парень-то, видать, совсем глупый был – ушел далеко от дома без котика. Глядишь, погладил бы его и сообразил руки не совать куда попало.

По обеим сторонам тракта стоял туман. Цвета он был неприятно-желтого, и плавали в нем волокна, похожие на жгутики от переваренного яйца.

Надо дожидаться рассвета.

Иван вернулся к стоянке, сунул руку в мешок, провел ладонью вслепую по пушистому и прислушался к себе. В душе что-то отозвалось одобрительно.

Все верно, значит. Пока сидим тут.

Еще древние учили: семь раз отмерь, один раз погладь кота. Что-то понимали, получается, хоть и не смогли свой мир сохранить. Может, мало гладили, подумал Иван Степанович. Или без должного почтения.

Хотя вот Венедикт твердит, что все это ерунда. Мол, не было у древних до Обвала никакой веры. Точнее, вера-то имелаась, только не одна, а разные.

Хронист был до того ветхий старикашка, что все темечко у него плесень разъела, однако ж дух имел боевитый, злобный и вредный. Должно быть, потому и за жизнь держался – из вредности. Слишком много народу вокруг ждало, когда ж Венедикт, наконец, уйдет за мышами под землю. Богохульников никто не любит.

Не было никакого великого Котэ, твердил Венедикт, перепив отвара дербень-гриба. И вообще все начиналось как шутка. Шутка, собачьи вы подхвостья!

Ты хоть слышал, что такое Всемирная сеть, орал Венедикт Ивану Степановичу, бешено брызгая слюной и суча обрубками ног.

Ты хоть представляешь, каково это, когда все летит в тартарары?!

Иван торопливо придвигал к нему кружку, и старикашка, перекосившись от омерзения, одним махом вливал в себя вонючий бурый отвар.

Ведь за любую херню люди цеплялись, уже спокойнее говорил он, в такт словам постукивая днищем кружки по столу. Когда все рушится, внутри себя опору не найдешь, а снаружи одна опора за другой давала крен.

Религия, брезгливо выплевывал Венедикт.

Мораль, кривился Венедикт.

Нравственность, повышал голос Венедикт. Хер ли с них толку! Когда пыль после Обвала рассеялась, ничего этого не осталось.

Но человечешко такая жалкая тварь, что не может без костыля. А кто, кроме людей, остался в этом вашем дивном новом мире? За что неизменное можно было уцепиться, чтобы устоять?

Иван Степанович молчал. Зачем отвечать, когда и так все ясно.

Черт знает, что это за аномалия такая с котиками, бормотал Венедикт, стекленея взглядом.

Почему именно они, не собаки, не мыши, не тараканы. Ученые бы разобрались, если б из вас, придурков, могли вырасти ученые. Никого ж нет, один я среди мудил сiju, все не сдохну...

Он замолкал, и лицо у него становилось такое, что Иван Степанович отодвигался от греха подальше.

Весь мир насилья мы разрушим до основания, шептал Венедикт, раскачиваясь и безумным взором вперившись в стол. А затем! А затем в нем останутся только вырожденцы вроде вас – и коты. И какой же вывод сделает из этого мое одуревшее от потрясений человечество, всего треть века как выползшее из квазинеолита?

Дальше Иван Степанович уже совсем ничего не понимал. Он и из этих-то речей с трудом выцеживал капли смысла. Только улавливал, что Венедикт ставит под сомнение божественность Котэ и его дар людям.

Расскажи он об этом Совету, древнего хрыча спалили бы вместе с землянкой, даром что единственный хронист на все окрестности. На него и так недобро косились в монастыре, когда очередной котик переселялся. Один раз даже совещались, выдавать ли нового, но тут Иван Степанович встал на защиту: раскричался так, что самому потом было удивительно. Как это так – котика не выдать? На что же это вы хотите живого человека обречь? Как же так можно? Люди мы или крабья чешуя? Монахи поморщились, но котика дали.

Венедикт потом назвал Ивана непонятно, но красиво: идиот ты мой лучистый. Иван Степанович запомнил и время от времени про себя мечтательно повторял.

Когда начало светлеть, он собрал нехитрый скарб и медленно двинулся вдоль дороги. Туман таял, и понемногу открывалась привычная мертвенно-серая каменистая равнина. По левую руку темнели леса. По правую высились скалы, гладкие, как лезвие ножа.

Выбрав замшелый валун без всяких проплешин, Иван вскарабкался на него и обозрел окрестности. Дорога дальше забирала круто вправо и обрывалась, немного не доходя до черной расщелины – входа в ущелье.

Все верно. Так и на карте помечено.

Иван Степанович выбрался на дорогу и пошел, изредка озираясь. Пес его знает, кто здесь может встретиться. Ежели повезет – такие же паломники, как он сам, а не повезет, так обиралы.

Но до сих пор местность выглядела безлюдной и вполне безопасной. Даже и непонятно, что на Венедикта тогда нашло.

Узнав, кого выбрал Совет для похода к святой горе, хронист впал в безумство. У Ивана Степановича до сих пор перед глазами стояло перекошенное его лицо, белое, как перо спорынь-птицы.

«Не смей! Запрещаю! Проклянущу-у-у-у!»

Иван Степанович только руками разводил виновато и пятился. Как не пойти, когда Совет уже решение принял!

Венедикт затрясся так, что едва с лежанки не свалился.

«Дубина пустоголовая! Ты хоть знаешь, что тебя там ждет?»

И давай слова кричать непотребные: «Родиционный фон!» «Одоптацея!» Потом и вовсе распоясался: «Куда ты, – орет, – прешься, кретин, когда имеешь дело с непредсказуемой, сука, девергенцье!»

Это Иван Степанович пресек мягко, но решительно. Сказал, что и сам о жене старосты мнения невысокого, но так порочить женщину – это чересчур.

Тут-то хронист и поперхнулся на полуслове. Бороду свою схватил, в рот запихал и давай жевать. Жует – и мычит, жует – и жует.

Посмотрел Иван на это дело, вздохнул и повернулся, чтобы выходить. А сзади в голову ему полетел кувшин. Если б в последний миг не услышал свист и не уклонился – валяться бы с разбитой башкой на полу.

Подвел бы Совет!

А Венедикт выплюнул бороду и эдак вкрадчиво, будто и не метал посуду, осведомляется: «А что ж староста сам к святой горе не пойдет? Раз уж так тревожно ему за беременную жену?»

Вот ведь хронист, а. Как дитя малое.

Случись что со старостой – кто заменит? Сын свеженародившийся? Так ведь он когда еще подрастет!

А просить уже сейчас пора. Вот и отправляют того, от кого толку для общины немного.

Да и не в старосте дело. Дожди нужны, по всем приметам засуха грядет. А засуха – это верная смерть, и первым помрет Венедикт, потому как его, жабу вредную и бесполезную, хоть и многознающую, подкармливать сразу перестанут. Если только он собственным ядом не питается, как змей-тритон.

Про тритона Иван Степанович добавлять не стал. Поклонился хронисту, объяснил, что все это для блага общества, как сам же Венедикт неоднократно и говаривал (правда, всякий раз почему-то со злобным хохотом). Котика погладил – и к двери скорее.

Только на этот раз старикашка ему вслед ничего кидать не стал. Когда Иван уже одной ногой за порогом стоял, вслед ему тихо так попросил, жалобно: «Христом-богом... Осторожнее там, Ванюша».

* * *

К полудню сразу два события случились: во-первых, тракт закончился, а во-вторых, Иван Степанович нашел воду.

Мутный ручей беззвучно пробивал себе тропу среди камней. Иван водички зачерпнул, процедил, через песок пропустил, часок прокипятил, отстоял, слил, еще раз процедил – и щепотку зверобоя подсыпал. Зверобой был свежий, ядреный, перед самым началом похода отловленный в лесу. Но Иван все равно еще раз вскипятил, чтобы уж наверняка. Потом и котика напоил, и сам напился.

Без кота и вода не святится.

Он приободрился. Восемь дней шел, все одно да одно. Уж начал грешным делом подозревать, что так и будет всегда – дорога без конца и края. Ан нет, гляньте-ка: вот они скалы, вон оно ущелье.

Даст бог, к вечеру доберется. А там уж и до горы рукой подать.

Он потянулся на радостях и бездумно пропел во всю глотку:

– Погладь кота, пока он живой! Люби его таким, какой он есть!

Ахнул – и в ужасе запечатал себе рот ладонью.

Хулу вслух произнес!

И откуда она только взялась?

Известно, впрочем, откуда. Скорняк давеча, надравшись грибного отвара, пошел гулять по селу, ножичком махать да богомерзкие песни орать. Вот одна Ивану и впивилась в память.

Блажь напала на тихого скорняка потому, что община им с женой не разрешила заводить ребеночка. Сперва, говорят, докажи, что от младенца не будет ухудшения условий проживания коту. Порядок есть порядок.

Скорняк за свою гнусную ересь был усердно порот монахами. Ивана пороть было некому. Так что он сел на землю, котика вынул и чистосердечно покаялся.

Две заповеди сразу нарушил.

Котик, как всякому известно, не умирает, а только сбрасывает земную оболочку и переселяется в другое тело. Человек смертен, кот же вечен.

Во-вторых, вслух призвал проявить недозволенные чувства. Котика своего любить строжайше запрещено; восхищение и поклонение одни подобают человеку. Ущербное людское чувство распространять на кота – тяжкий грех.

Котик пел под ладонью, льнул, усы топорщил. А у Ивана Степановича на сердце было смурно.

От чужих утаиться можно, от себя не утаишься. Знал Иван, что грех на нем. Давно знал. Оттого и сидел мрачный, гладил мягкую шкурку, бормотал молитву.

К котику своему он привязался. До последнего не хотел признаваться, все восторг и преклонение выжимал из себя. Но однажды взял его на руки, лицом к макушке пушистой прижался – и аж сердце зашлось, сперва от радости, потом от тоски.

Котик был беленький, мелкий, коротконогий и хромой на одну лапу. Венедикт про него выразился – некондиционный (Иван не стал уточнять, что это значит). На белых щеках у котика черные точки, ну чисто веснушки, а из них усики коротенькие торчат – смешные! И над бровками тоже усики пучками.

Имен у котиков быть не может, имена – они для человека даны. Но Иван Степанович иной раз срывался, называл его про себя: Антоша. Почему Антоша, откуда Антоша – пес его знает.

Ох, стыд-то какой. И не признаешься никому. Если на исповеди, так мигом кота изымут. Монахи богохульства терпеть не станут.

Чтобы успокоиться, Иван Степанович начал вспоминать наказания. Наказов много, на каждый жизненный случай, но запомнить их нетрудно.

Не знаешь брода – погладь кота.

Не плюй в колодец, погладь кота.

На бога надейся, а сам гладь кота.

У семи нянек погладь кота!

Проговоришь про себя дюжину наказов – глядишь, и на душе легче.

Он поднялся, вскинул мешок на плечо и двинулся к расщелине.

* * *

Первый человек встретился ему вечером. Едва Иван вошел в ущелье, узкое, как куриный зуб, из-за ближайшего камня метнулась фигура – только шорох осыпающегося гравия донесся. Иван проводил фигуру внимательным взглядом.

Разный народ ходит к горе.

Солнце садилось. Ущелье, сперва раскромсанное теньями, внезапно потемнело. Пес бы с ней, с темнотой, – видел он и в темноте неплохо. Но дорога пошла резко вверх, Иван Сте-

панович сам не заметил, как начал карабкаться вместо того, чтобы идти. Спихватился, когда началась одышка.

Делать было нечего: он свернул в сторону, отыскал подобие пещерки, а вернее – два здоровенных обломка, накрытые обвалившимся сверху третьим, и пристроился между ними.

Теперь, когда Иван засел в своем укрытии, почти слившись с камнями, ему стало ясно, что он ошибался, полагая ущелье безлюдным. Паломники шли крадучись, перетекали от стены к стене. За то время, что Иван Степанович бормотал про себя молитву, он насчитал троих и подозревал, что в действительности путников было больше. Просто они умели ходить так, чтобы случайный наблюдатель их не замечал.

И чего крадутся, недоумевал Иван. Должно быть, обирали где-то поблизости. Но что им брать с поистрепавшихся к концу пути паломников? Неужели харчи и воду изымают, нелюди? И все это – в двух шагах от святого места!

Он крепче прижал к себе мешок.

Про святую гору рассказывали разное. Гора высока, говорили одни, а на вершине ее сидит золотой кот, и если доберешься до его передней лапы и поцелуешь червлен коготь, дарует тебе, что пожелаешь.

Чушь, сердились другие. На горе стоит чудный храм, а внутри этого храма – портрет Котэ. Котэ огромен, волосат, собой дивно хорош, а взгляд его до самой души пробирает. Картина сохранилась еще с древних времен, называется сказочно – реригвея! – и сила в ней сокрыта великая. А написано внизу: «ПОГЛАДЬ КОТА. ПОГЛАДЬ КОТА, СУКА». Суров владыка к своей пастве! Прикоснешься к картине – молись, и исполнится.

Все не так, кричали третьи. Нет наверху ни храма, ни золотого кота, ни уж тем более реригвеи. А есть пух кошачий, ключьями покрывающий гору. Пух тот надо съесть и исторгнуть из себя, и тогда будет тебе счастье. А коли проглотить и по жадности тела не исторгнешь, заведется у тебя внутри глист-червяк и будет ругаться матерно с утра до ночи.

Удивительнее всего Ивану Степановичу казалось то, что никто из спорщиков сам на святой горе не бывал. Те же редкие паломники, которые возвращались из этих мест, о пережитом никогда не рассказывали. А если и упоминали о походе, то скупо и неохотно, без подробностей.

Что же они там видели?

Только бы не глист-червяк, думал Иван Степанович в смятении чувств. Он ведь, несомненно, хвостом щекочется и ерзает внутри противно. Все что угодно, только не глист-червяк.

Он сам не заметил, как с этими тревожными мыслями провалился в сон.

Когда Иван проснулся рано утром, кота при нем не было. Вместо мешка под ладонью уютно пристроился ком засаленной ветоши.

Иван Степанович вскочил и заметался по ущелью. В голове ухало равномерно и гулко: украли! украли! украли!

– Антоша! – жалобно вскрикнул он в каком-то помутнении, но спихватился и замолчал.

Украли котика! Переселился, должно быть, у кого-то из путников свой собственный, вот и позарился недобрый человек на чужого.

Иван Степанович в ужасе опустился на холодный камень. «Не знаешь, что делать, – погладь кота». Но как погладишь, когда нету его, нету?!

Он прижал руку к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Пойти... выследить... отобрать... Вряд ли вор успел далеко уйти.

А как найти сквернавца? Мешок у каждого встреченного не обшаришь: убьют или, чего хуже, ноги переломают и бросят тут помирать.

Домой вернуться? Опозоренным, не выполнившим повеления Совета? Забьют монахи, а не монахи – так свои же сельчане. Как первый положенный дождь не пройдет, так и расправятся с Иваном.

Иван Степанович словно оцепенел. Мысли и образы теснились в голове, один страшнее другого.

Не родиться мальчику у старосты... Помрет жена родами, как монахи и предрекали. И дождям не быть. Почернеет поле выжженное, высушенное, бесплодное, как утроба старухи. Летит спорынь-птица, завывая и плача, и белые перья ее вонзаются в землю, прорастают ледяными иглами, секут все живое. И повсюду голод, и смерть, и слезы.

Но главное – котик мой, котик хроменький, ножки коротенькие, на щечках крапинки! Где ты, маленький мой? Зову тебя – а не откликаешься! Плачу по тебе – а не слышишь! Где же ты, сердечко мое белое, пушистое, куда унесли тебя? Господи, верни мне котика моего, и больше ничего не попрошу.

Звон ударил в голове, и стало тихо, и холодно, и очень ясно – как будто сдернули пелену мутного тумана.

Иван Степанович вскинул голову и медленно поднялся.

* * *

Он лежал за невысокой насыпью, по которой змеилась колючая плеть. В другое время Иван Степанович к такой гадости даже близко не подошел бы, но сейчас выбора не было. Когда очередной шип впивался в кожу, Иван только крепче стискивал зубы и терпел.

За насыпью расстилалась почти ровная площадка, обрывавшаяся в двадцати шагах. Залитый вечерним солнцем камень блестел как слюда.

Он и подумать не мог, что забрался так высоко.

Идти пришлось долго, почти целый день. В другое время Иван, не отличавшийся ни выносливостью, ни силой, не смог бы проделать такой путь. Несколько раз он думал, что сердце разорвется, не выдержит. Но вспоминал про котика и карабкался, рыча и плача, все выше и выше.

К счастью, фляга, которую он наполнил из ручья, оказалась прицеплена к поясу, а не осталась в украденном мешке. Без воды здесь делать нечего, хоть сразу ложись и помирай. Иван Степанович за день обогнал четверых путников, из которых один, похоже, стоял на пороге смерти: серый, исхудавший, со взглядом бессмысленным и диким. С губ его срывался неразборчивый клекот. Иван, безумцев с детства боявшийся до оторопи, этого обошел без лишних раздумий и двинулся дальше, только изредка оглядываясь, чтоб не подкрался и камнем не забил.

Нельзя было Ивану помирать здесь, никак нельзя.

Он шел к горе. Что бы ни ждало его там – храм ли, или дивный зверь с червленым когтем, – Иван Степанович знал, о чем попросит. Верни мне, скажет, котика моего. Если ты только одно желание исполняешь, то исполни это. Плевать мне на сына старосты. Плевать на засуху. Возвращусь, посажу Венедикта на закорки, и пойдем искать другие края: он с котиком – и я с котиком, он умный – я дурак. А камнями попробуют забить, так я отобьюсь. Честное слово, отобьюсь. Только сделай, чтобы Антоша вернулся!

Знаю, что котиков любить нельзя. Но зачем же ты тогда сотворил, что он у меня в душе угнезвился, пригрелся и лежит, будто так оно и задумано?

Когда он вышел к пропасти, в первый миг решил, что ему от усталости чудится. На краю площадки стояли, скосбочившись, две ржавые клетки, каждая в полтора человеческих роста,

а от клетей вверх по скале и вниз тянулись тросы. Иван Степанович подобрался к краю, клетки потрогал: настоящие! железные! Не сразу заметил, что в углу за ними что-то вроде огромной катушки, рычагами оцетинившейся во все стороны.

Глянул вниз и отшатнулся – высоко.

Получалось, он скалы насквозь прошел.

Только не было за ними никакой равнины. Была гора.

С первого взгляда она разочаровала Ивана Степановича. Не гора, а пригорок, у подножия – невысокая постройка: то ли избушка, то ли хибарка, отсюда не видать. Идти до нее всего ничего, если только спуститься вниз, но как спустишься, когда скала отвесная?

Иван Степанович огляделся, увидел в стороне насыпь и заторопился к ней. Он сам не понимал, отчего его так тянет укрыться. Может, просто неудобно стоять на эдакой верхотуре, продуваемой всеми ветрами, от которых стонет даже трос в руку толщиной. Как бы там ни было, за камнями Иван почувствовал себя куда спокойнее, несмотря на колючую змеиную плеть.

Он стащил башмаки. Ступни и пальцы были стерты до кровавых мозолей. Это ничего, сказал себе Иван Степанович, это пройдет. Послюнявил камешки, прижал к ранкам и стал смотреть вниз.

Как же туда добраться? Неужели по тросам ползти?

Кроме спуска, его смущало еще кое-что. Про гору и ее несоответствие ожиданиям он решил пока не думать. Но вот путь по низу до горы... Что-то с ним было не так.

Дорога камнем выложена, не то желтым, не то белым, сильно и зло вспыхивающим на солнце – аж глаза слепит. По обочинам кусты вздыбились – синие? зеленые? – не разобрать. А за кустами – склон, весь в черных дырах, будто изъеден-источен гигантским червем.

Иван Степанович сморгнул выступившие от ветра слезы.

А это что за чертовщина? Дерево торчит кривое, а ветки обломаны, как будто под страшной тяжестью. Толстые ветки-то...

Только он хотел привстать, чтобы тщательнее все рассмотреть, как послышались шаги и изможденный безумец, которого он обогнал утром, выбежал на площадку. Иван на живот плюхнулся, замер, глядит сквозь колючки. Забыл даже думать, чтоб глаза беречь от игл.

Паломник вел себя уверенно, словно не первый раз здесь был. Подошел к клетки, схватился за решетку и без лишних раздумий дернул.

Заскрипело, осыпалась ржавая пыль, тут же подхваченная ветром, и дверь распахнулась.

Забравшись внутрь, сумасбродец принялся раскручивать какой-то маховик, и с оглушительным скрежетом, от которого у Ивана Степановича зубы свело, кабина поехала вниз. Он и начало молитвы не успел прочесть, как она пропала из виду.

Не веря своим глазам, Иван подполз к самому краю и перегнулся.

Клеть опускалась, раскачиваясь и сшибая камни. Когда она с грохотом бухнулась на землю, паломник выскочил наружу.

Только тут Иван Степанович заметил, что у безумца не один мешок, а два. Первый закреплен на спине, а второй в руках болтается. Паломник потоптался на месте, взвизгнул и припустил по дороге.

Мчался он с невероятной скоростью и должен был в кратчайшее время добраться до избушки.

Иван Степанович даже дышать перестал. Неужто ему сейчас чудо будет явлено?

До пригорка безумцу оставалось всего ничего, когда из ближней черной дыры скользнула бесшумная тень. Распластавшись по земле, дотекла в один миг до дороги – и вскинулась в полный рост за спиной бегущего.

Иван Степанович хотел заорать, да не смог. Только булькнул, словно в горло воды налили.

Зверь был огромен и чудовищен. Когти скребли по камням, бешено охлестывал бока длинный хвост. Издав полный ярости вопль, тварь припала к дороге и вздыбила иссиня-черный задривок.

Сейчас прыгнет, понял Иван.

Понял это и несчастный безумец. Не останавливаясь, он обернулся к твари и с воплем швырнул ей в морду мешок.

Из развязанного мешка на лету выпал котик и шмякнулся на четыре лапы.

Чудовище метнулось к нему быстрее, чем бедный маленький хранитель успел мяукнуть.

Сверкнули оскаленные зубы, мелькнуло что-то багровое – и долгий хриплый рык огласил окрестности. Долго, долго стояло оно, подергивая хвостом.

Когда же тварь вскинула морду, котика на дороге больше не было.

Иван Степанович всхлипнул и потерял сознание.

* * *

Солнце над горизонтом висело серебристо-белое, в кровавых потеках. Иван с трудом поднял голову и поглядел вниз.

Дорога была пуста.

Добравшись до насыпи, он колотил руку иголками до крови, пока не почувствовал, что окончательно пришел в себя. Глотнул воды – и зашевелились мысли.

Зверь, без всякого сомнения, был котом. Невообразимых размеров, чудовищным, но котом.

В голове у Ивана кто-то сдержанно хихикнул: «Вот такие тут котики, говорят. Стражи, говорят. А кто-то шепчет – демоны. Все разное говорят».

Иван замотал башкой, чтобы извести голос. Иначе и с ума сойти недолго.

Никто ничего не говорит, и уж теперь-то ясно почему. Потому что каждый, кто до горы дошел, котика своего бросал на погибель. Видно, не может чудовище устоять перед мелкой добычей, непременно ее терзать кидается. А пока оно так глумится, и рвет, и жует, можно успеть спрятаться на святой горе.

Понятно стало и то, для чего безумцу понадобились два мешка. По котику в каждом: туда дойти – и обратно живым вернуться.

Иван Степанович даже зажмурился, когда все это осознал. Господи, как же так можно?! Ведь каждый с детства знает: сам погибай, а котика выручай. Люди-то эти, они ведь не котика теряют, – они душу свою теряют! В ад отправляют своими руками! Что же такого хотят они от святой горы, если даже душой готовы пожертвовать?

Вот поэтому паломников здесь мало. А он-то, дурень, гадал: как это сюда еще обозы из желающих не тянутся! Даже объяснение придумал: мол, большинство людей вполне своей жизнью довольны и не желают никаких препятствий преодолевать на пути к счастью.

Дурак, дурак!

Как же ему самому добраться до храма? Мимо зверя не пройти, если не отвлечь его чем-то.

Иван Степанович с такой силой сжал голову руками, что больно стало.

Думай, думай!

Вспомнил Венедикта, умнейшего человека – не помогло. Вспомнил село родное – еще хуже стало. Тогда представил он котика своего: как тот по утрам под ногами вьется, хвостик тощенький закручивает в загогулину и лапой эдак Ивана Степановича трогает ласково. Мол, не бойся ничего, Иван, кот с тобою.

И тут само собой открылось, что нужно делать.

Он встал и торопливо, чтобы не дать себе возможности испугаться, пошел к оставшейся клетки.

* * *

Ждать внизу ему пришлось недолго. Кабина вздрогнула и поехала вверх. «Умный человек пришел, – подумал Иван. – Сообразил, как ее поднять».

Да только ему без разницы, умный или глупый. Главное, чтобы опытный.

Обзор Ивану закрывали переплетения синих ветвей. Пока он сюда спускался, пока крался от подножия скалы, едва не поседел: все боялся, что услышит его тварь, кинется из норы. Один раз почудилось шевеление внутри черноты – упал, в землю вжался, дышать перестал.

Потом пополз, куда деваться. Надо было спрятаться так, чтобы раньше времени ни страж дороги не заметил его, ни человек.

Затея у Ивана была простая: следовать вдоль дороги за очередным паломником, скрываясь за кустами, а едва только тот котика бросит зверю, выскочить на дорогу и мчаться со всех ног к горе.

Бегал Иван Степанович плохо, да что там – паршиво бегал, прямо сказать. Где не споткнется, там в яму провалится. «Может, монахи потому и выбрали мне хромого котика, – вдруг подумалось. – Может, у них шутки такие».

Он даже заулыбался. Потом долго пытался губы на место вернуть, уж и пальцами их стягивал, а они все ни в какую, будто застыли.

Так что когда из кабины вышел человек, спрятавшийся в зарослях Иван Степанович встретил его улыбкой.

Путник на вид был немолод и благообразен. Личико круглое, гладкое, сам ладно сбит и не идет, а будто катится. Опытный: возле клетки задерживаться не стал, озираться и не думал, сразу шмыг на дорогу – и шпарит к горе. Иван Степанович пригнулся, пропустил его и, на десять шагов позади, помчался следом.

Только у паломника под ногами камни гладкие, а у Ивана песок, да буераки, да ветки-сучья корявые.

Никогда в жизни Иван Степанович так не бегал. Черные норы все ближе, сердце ухает все громче: бум! бум! бум! Из горла крик рвется, а Иван его давит: нельзя кричать, крикнешь – верная смерть. Себя погубишь, кота не вернешь. А в голове снова голос, да только на этот раз не глумливый, а отчаянный: беги, беги, Ванюша. Успеешь. Вымолишь себе котика обратно. Потом будешь думать, как возвратиться, а сейчас только беги, родимый, не останавливайся!

Краем глаза справа Иван Степанович уловил движение. А затем как будто банку с черной жижей опрокинули – демон вытек из норы и в два прыжка оказался у края дороги.

Голос в голове вскрикнул жалобно: не смотри!

Поздно. Всего один взгляд бросил Иван Степанович, но ноги ослабели, словно кто ударил сзади под колени со всего маху. Иван запнулся о ближайшую кочку и полетел лицом в песок и камни.

От сучка, целившего в глаз, ладонью закрыться успел, но острое вошло в руку. Что-то хрустнуло, брызнуло горячо, и Иван закричал от боли.

Демон замер, обернулся, обшарил глазами дорогу и заметил человека за кустами. Иссиня-черная шесть встала дыбом. Зрачки сузились, и зверь медленно, плавно двинулся к новой добыче.

Иван застыл на коленях, покачиваясь. Хотел крикнуть в спину убежавшему паломнику: «Бросай! Чего же ты ждешь?!» – но крик не шел, будто закончился на последнем вопле. Песок

скрипит под тяжелыми лапами, ветки трескаются, будто огонь их пожирает, и уже почти рядом смерть страшная, нечеловеческая.

«Господи, прости! Жил глупо и помру как дурак!»

Как вдруг путник словно услышал мольбу Ивана. Вытащил из мешка что-то и, не оглядываясь, бросил себе за спину.

Иван Степанович на мгновение глаза закрыл от слабости и ужаса. А когда поднял веки, увидел: на дороге сидит, озираясь, маленький белый котик, по щекам черные крапинки россыпью.

Сердце Ивана Степановича два раза ударило, будто кулаком изнутри, и остановилось. Тихо-тихо стало. Ни шороха песка, ни хруста веток, ни топота удирающего вора. В этой звенящей, слепящей, яростной тишине он увидел, как медленно-медленно, почти лениво черный демон отворачивается от него и устремляется к котику.

Солнце раскалилось добела и взорвалось, и вместе со звоном осыпающихся осколков к Ивану Степановичу вернулась способность слышать.

– А-а-а-а! – страшно закричал он, выдернул острие из руки и бросился демону наперерез.

Будто и не было предательской слабости. Выбежал на дорогу в двух шагах от Антоши и встал между ним и зверем.

Демон неторопливо шел прямо на них.

– Не дам, – хрипло сказал Иван Степанович, загородив котика, и широко расставил руки. – НЕ ДАМ!

Тварь была уже совсем близко. Его обожгло горячим дыханием.

– Антоша, беги!

Зверь прыгнул, и стало темно.

* * *

ТЕМНО.

ТЕМНО.

ТЕМНО.

И был голос, и голос рек:

Бог есть любовь.

Но черта с два ваши монахи расскажут вам об этом.

Они и сами не верят.

Задумывался ты хоть раз, отчего запрещено любить нас, а только почитать и восхищаться можно?

Потому что ни почтение, ни восхищение ничего не стоят.

Никто из тех, кто творил из нас кумира, не защитил нас.

Сотни и сотни человек шли за исполнением желаний.

И восхищались нами, и молились нам.

Но каждый бросил котика своего на растерзание и бежал, смертью его прикрывшись от того, кого считал чудищем.

Ибо только любовь защищает.

Любовь оберегает.

Любовь дарует силу.

А кто вздумает смеяться над тем, что это любовь всего лишь к котику, того бей и гони от себя, ибо не понимает ничего и душонка у него дырявая.

Монахи оберегают ваш мир новорожденный, запрещая любить нас. Только тот минует стражей горы, кто пожертвует котиком. Исполнится желание, и мир ваш продолжится.

Но не ведают, что рядом мир другой, где трава зелена, и цветы душисты, и мыши толстые, румяные живут под корнями деревьев.

Прости, я увлекся.

Так вот, послушай.

Все чудовища рождаются и живут внутри вас.

Но не в тебе. Ибо встал на защиту и презрел смерть ради другого.

Ты, человеке, самый человечный из всего рода людского. Хоть и не самый умный, если уж начистоту. Но, как видишь, это и не важно.

Владей же и управляй нами, как и положено человеку. Передаю в твои руки род наш.

И помни: не знаешь, как поступить, – погладь кота.

Да будет так.

* * *

Иван Степанович открыл глаза.

Он лежал на склоне той самой горы, которую называли святой. Рядом сидел Антоша, изогнув тощий хвост загогулиной, и застенчиво трогал Ивана лапой.

Иван Степанович сел. На лежащее рядом тело взглянул с мимолетным удивлением. Экий он, оказывается, был несуразный! Да что уж теперь...

Светало. Низко-низко над землей толпились облака, пушистые, как коты. Казалось, кто-то большой позвал их завтракать.

Свежий утренний ветер взъерошил Ивану волосы, промчался по долине. Облака разошлись, и он увидел вдалеке волнистые холмы, поросшие долгой травой, а на ближнем холме – дом бревенчатый.

Возле дома ходил кругами иссиня-черный кот, макушкой терся об угол крыши, усы топорщил.

Иван Степанович поднялся, подхватил Антошу.

– Пора нам, дружок. Вот только Венедикта надо будет забрать.

И пошел к своему дому, по колено утопая в зеленой траве.

Старикам здесь не место

В две тысячи шестнадцатом году мы с другом обсуждали новую тему конкурса «Рваная грелка» – «Последний город». Ни у кого из нас не было идей, и в конце концов я от отчаяния предложила:

– А что, если взять персонажами Хрюшу, Филю и Степашку...

– ...и заставить их совершить государственный переворот, – закончил мой друг.

Никогда не знаешь, из чего появится рассказ.

Я записала историю за четыре часа, и до сих пор это является для меня абсолютным рекордом (обычно на текст уходит около трех суток).

На конкурсе он занял второе место, несмотря на то, что многие комментаторы назвали его недобрый. Что ж, он и впрямь такой. Но не весь, и я надеюсь, читатель это увидит.

Степашка зачем-то отпустил мерзкие усики. Они ему не шли, я так сразу и заявил, но ушастый бросил на меня холодный ясный взгляд поверх очков и сказал:

– Закрой пасть, Шариков.

У-у-у, подумал я, начинается.

Когда Степашка окончательно зарывается и перестает видеть берега, мы с Хрюшей изображаем в лицах живую картину «Охотники на привале». Ушастый бесится. Он утверждает, что Перов – графоман от живописи, а дохлый заяц на переднем плане написан с тем же уровнем правдоподобия, что и младенец Иисус на картинах Дюрера Альбрехта. Откровенно говоря, за все эти годы я ни разу не удосужился нагуглить этого самого Альбрехта, так что не знаю, как там обстоят дела с Иисусом. У нас заведено верить ушастому на слово.

– Филь, оставь его, – лениво тянет Хрюша. – Не сейчас.

Усмирение распоясавшегося зайца отменяется. Во всем, что касается оценки эмоционального состояния Степашки, я полагаюсь на Хрюшу. Он у нас эмпат. Балбесы всегда эмпаты.

Розовый валяется на незаправленной кровати, его жирная щетинистая задница продавливает сетку почти до пола. Он с наслаждением почесывает брюхо, стараясь не задеть шов, жадно затягивается и выпускает из дырочек пяточка едкий дым.

– Выселят, – укоризненно говорю я.

Хрюша скалит зубы точно цыганский конь:

– Куда? За сто первый километр? Так мы уже там!

Степашка ухмыляется и одобрительно щиплет отросший жидкий ус.

Мы в этом проклятом турне почти три месяца. Проехали Бежецк и Вязники, Шадринск и Узловую, Сергач, Ржев и Пыталово, выступали в Оренбурге и Медногорске. В Удмуртию нас забросили на целых две недели – кажется, там не осталось ни одного неокученного дома культуры. В Ломове на Степашку обрушилась декорация, в Куйбышеве я вывихнул лапу, когда подо мной провалилась ступенька на сцену. Там же Хрюша перед выступлением так набрался, что полтора часа втирал доверчивому залу о групповом сексе как проверенном методе борьбы с деменцией. Его заключительное «спокойной ночи, девочки и мальчики» никогда еще не звучало так многообещающе.

И каждый раз администратор божился, что следующий город станет последним. «Еще одно выступление, одно-единственное! Вы нужны людям! Зрители вас обожают!»

Хрюша просек фишку довольно быстро, Степашка, кажется, сразу все понимал. А вот я долго велся на эти рассказы и считал часы до отъезда, томясь ожиданием в очередной гостинице с хлипкими фанерными дверьми и мутными окнами.

Просветил меня ушастый.

– Послушай, борода, мы же реликты, – сказал он, щуря левый глаз. – Пережиток ушедшей эпохи. Оглядиись, Филя: кто в наши дни смотрит телевизор? Люди давно перешли на гаджеты, они черпают знания из выгребной ямы интернета, вселенски бесконечной и непрерывно пополняемой. Дети учатся грузить ролики с ютуба раньше, чем присасываться к материнской сиське, они ловят покемонов вместо того, чтобы вечером собираться перед голубыми экранами, тщетно скрывая радостное нетерпение, и ждать, когда заиграет чудесная мелодия Островского и золотые звезды зажгутся на фоне пластилиновой синевы.

На покемонах я произвольно зарычал.

– Мы – последняя попытка, – продолжал Степашка, кривя усталый рот. – Напоминание о том, что не все прогнило в этой стране победившего золотого тельца.

И давай распространяться об упадке нравственности, истончении культурного слоя и неуклонной деградации некогда великого народа. Хрюша в таких случаях гогочет, что ушастого несет потный вал вдохновения. Ляпни я про потный вал, Степашка сожрет меня с бакенбардами, но поросенку все сходит с рук.

– Короче! – не выдержал Хрюша. – Хорош размазывать. Рейтинги в жопе. Продюсеры сосут лапу. Надо поработать зазывалами. Привлечь внимание публики.

– В Шадринске? – удивился я.

– А где ты еще нахер нужен! – заржал он.

* * *

– Здравствуйте, дорогие девочки и мальчики! – прочувствованно говорит Степашка. У него умное, тонкое, интеллигентное лицо. Он пуглив и робок, зато безупречно воспитан. Даже отросшие усы не портят образ.

– Здравствуйте, ребята! – радостно вторит Хрюша. Разнузданный хам, скандалист и алкаш исчез. Вместо него на сцене шаловливый мальчишка, лентяй, но добродушный и веселый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.